СЕРГЕЙ БАЙБАКОВ

КУРГАН 3
ПЕКЛО

Сергей Байбаков
Курган 3. Пекло

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Байбаков С. Г.

Курган 3. Пекло / С. Г. Байбаков — «ЛитРес: Самиздат»,
2009

И в знакомом лесу найдется странное место – туман, скрывающий проход в мир, что лежит рядом. Пройдя сквозь колдовской туман маленький княжич и его дружинники столкнулись с неведомым... А тем временем Кирилл и его собака – овчарка Шейла постепенно осваиваются в непривычной для них земле, в небывалом обществе языческого волхва, русалок – что могут обращаться в обычных девушек и лешего. И Шейла, и Кирилл почти уверены, что одну из русалок они уже встречали раньше, в своем родном мире. И еще Кирилл вспомнил, где он побывал, прежде чем попасть в Альтиду...

Содержание

ГЛАВА 1. Мир лежащий рядом	5
ГЛАВА 2. Радужный Путь	18
ГЛАВА 3. Что это за Мир?	29
ГЛАВА 4. Где повествуется о жизни морехода Любомысла	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

ГЛАВА 1. Мир лежащий рядом

Белоснежный жеребец по кличке Дичко уносил княжича Добромила в чужую, неведомую и, скорей всего, враждебную землю.

Конь под мальчиком будто взбесился. То мчался – вытянув длинную шею; то, закидывая голову, неистово кидался из стороны в сторону; то вздыбливался – словно пытаясь избавиться от маленького наездника, скинуть его под копыта и втоптать в серые камни Древней Дороги.

Добромил изо всех сил натягивал поводья, чуть ли не рвя в кровь губы жеребца, но даже сильная боль не останавливала обезумевшего Дичко. Казалось, что его гибкую, крепкую шею пленила невидимая злая сила и сдавив, тянула жеребца за собой.

Бока Дичко покрылись липким едким потом, и на них уже кой-где выступила пена – будто жеребец пробежал таким бешеным ходом не одну версту. Гордый красавец хрипел и задыхался.

Все случилось так внезапно! Только венды подъехали к Древней Дороге, только увидели, что туман, скрывавший ее конец, рассеялся и открыл доселе невиданный, диковинный мир, как жеребец княжича Добромила наострил уши, прислушался, и внезапно потряс головой – словно отмахиваясь от неведомой напасти. Дичко выгнул спину – пытаясь освободиться от наездника, заржал и встал на дыбы. Потом прыгнул, высоко подкинув зад – словно его ожгли плетью, и понесся по серым камням, унося Добромила в неведомый мир.

Светлые волосы маленького княжича трепал ветер, дыхание перехватывало. Сердце стучало так, что казалось – вот-вот вырвется из груди, выпрыгнет из-под ворота легкой рубахи, и мокрым красным пятном останется лежать на серых дорожных камнях. Мальчик беспомощно оглядывался на спутников – дружинников своего охранного отряда.

«Сейчас упаду! – мелькнула мысль. – Сорвусь! Да стой же ты! Дичко! Что ты делаешь! Да что ж это творится!..»

Но куда там! Откуда жеребцу знать мысли Добромила!

Дорога вела вниз, спускаясь к лиловым скалам, и Дичко бездумно несся по ее серым камням, время от времени кося недобрым, полным бешенства глазом на маленького всадника. И все потуги молодого княжича совладать с обезумевшим жеребцом оставались втуне.

Где-то позади во весь опор гнали лошадей его друзья: могучий Прозор – предводитель отряда, молодые дружинники – Борко и Милован, и старый мудрый всезнай Любомысл.

Прозор мчался впереди. Богатырь сразу сообразил, что случилось. Княжич в беде! Сразу же, как только Дичко понес Добромила, предводитель жестко хлестнул своего жеребца и немилосердно его понукая погнался вслед за мальчиком.

Медлить нельзя!

Обезумевший Дичко или занесет княжича в несусветную даль в незнакомой земле, что само по себе плохо, – неизвестно, что таится за теми лиловыми скалами, – или, что вернее всего, Добромил не удержится в седле.

Второе хуже. Покалечится княжич. Хоть Добромил и обучен падать со скачущей лошади, но сейчас проделать это будет трудно. Дичко слишком уж резво несется. Быстро и рвано. Сложно выбрать миг, когда можно скользнуть на землю. Вон, как зад вздергивает. И ведь не догнать! Да и откуда? Дичко из той породы жеребцов, что в народе именуют двужилыми. У этого коня будто вдвое больше ног – настолько резво скачет. А тут еще и напуган чем-то. Напуган, или... О том, что конем овладела злая колдовская сила, Прозор старался не думать. Хотя, все на то и походило.

– За мной!!!

Но дружинники и без окрика Прозора знали, что делать. Добромил – сын виннетского князя, наследник. А они его охранный отряд.

И неважно, что прошедшей ночью нежить повыбила бóльшую часть отряда и их осталось мало: опытный воин и охотник Прозор, два молодых парня и княжеский наставник старик Любомысл. Они обязаны защитить княжича от любой беды, вытащить его из любой, казалось, самой немыслимой передряги. Они должны следовать за Добромилом хоть куда! Хоть в самое пекло! Для того они и живут, ведь они венды!

Отставая от Прозора на каких-то пару десятков саженой мчались Милован и посеревший Борко. Взмокшее лицо молодца искажала боль: его перебитая камнем левая рука нещадно саднила. Но все равно – не жалел ни себя, ни своего коня...

Сзади парней – старик Любомысл, княжий наставник. Его спокойная кобылка не могла угнаться за жеребцами дружинников: слишком уж она тиха и непривычна к стремительному бегу. Старик ее сам с тщанием выбирал: чтоб не выкидывала коленец, берегла его старые кости.

Любомысл, несмотря на преклонные годы, превосходно держался в седле. Наверное, сказывалась давняя привычка: переносить ураганы – что швыряют корабль словно щепку – вцепившись в первое, что подвернется под руку. А то иначе оглянуться не успеешь, как пойдешь в гости к Морскому Хозяину.

Вот и сейчас: старик бросил повод, предоставив кобыле свободу, и намертво вцепился в луку седла. Надо лишь крепко держаться и подбадривать лошадку голосом. А уж что-что, а он у Любомысла зычный. Грохот любого шторма перекроет! Неудивительно, что так или иначе, но лошадь без особого понукания резво рысила, а Любомыслу только и оставалось, что изредка вздергивать ее рыком, схожим с ревом разъяренного бера.

Старый мореход чем-то походил на ловкого, умудренного годами рассудительного кота. Лицо спокойно и сосредоточено. В глазах уверенность: «Держись, Добромил! Все уладится, все будет хорошо... И не из таких передряг выбирались!»

Маленький отряд несся под уклон. Оглядываться по сторонам некогда. Поспеть бы за Дичко, который проявил небывалую прыть и так неожиданно понес княжича!

Прозор краем глаза отмечал, что по бокам дороги растет высокая, жесткая, схожая со степным ковылем трава. Проносились незнакомые, диковинно выглядывшие деревья. Над ними будто злая сила тешилась: крутила их, разламывала, да так и не смогла ничего с деревьями поделать. Изуродовав, но так и не сокрушив упрямые стволы, бросила. Решила найти себе другое занятие. Прошло время, раны деревьев затянулись, заросли. Только вот никогда уже стволы не выпрямятся, так и будут расти криво.

Их корявые ветви усыпаны диковинно изрезанными, вроде бы неподвижными листьями. Ан нет! Ветерок все-таки их чуть шевелил. Но все равно, листва выглядела тяжелой и окаменевшей. Странно... Все это вихрем пронеслось в голове предводителя.

Редкие кусты, покрытые непривычной для вендского глаза жесткой зеленью и небывало яркими цветами, перемежались лиловатыми, выщербленными каменными глыбами. Все сливалось в буйстве ярких красок, незнакомых тревожных запахов. От необычных цветов открывшегося мира, а может от бешеной скачки, у Прозора едва ли не впервые в жизни закружилась голова. Богатырь лишь стиснул зубы, отгоняя дурную хмарь.

«Эх! Как княжий жеребчик припустил! Ну и ну! Не покалечил бы мальчишку! И не догнать, уходит все дальше и дальше!..»

От досады Прозор – уж на что всегда спокоен – даже что-то глухо и невнятно прорычал. «Ну и коняга у него! Держись княжич!..»

А Добромилу оставалось лишь изредка спешно и беспомощно оглядываться. Все внимание мальчика приковано к жеребцу; к дороге, по которой он несся; к пути, который Дичко

уже не выбирал. Разумом княжича, до времени, владела лишь одно главное желание – удержаться в седле!

Стук в сердце, возбуждение – что случилось, что нашло на доселе спокойного коня? – мешало Добромилу до конца понять происходящее. Все казалось непонятно сложным – к чему?

Княжича мотало так, что казалось – оторвется голова. А обезумевший жеребец сначала неся широкой рысью, затем перешел на рваный галоп и скакал уже не по камням, а по жесткой траве иного мира. Только ветер в ушах свистел!

Дичко уносил княжича все дальше и дальше от того места, где перед вендами так неожиданно расступился туман, от родных вендских лесов, от выхода в свой мир.

Добромил вновь попытался вразумить доселе послушного коня, хотел прикрикнуть на него, но смог издать лишь слабый хрипловатый стон. И жеребец не слушался повода, и голос отчего-то вдруг отказал, и тело стало неожиданно ватным и бессильным: словно в нем что-то надломилось, будто угасла дарующая жизнь искра.

И тут воздух около Добромила сгустился и задрожал. Княжич вдруг осознал, что вокруг уже нет странных изломанных деревьев иного мира и жесткой травы. Нет лиловых скал, к которым неся обезумевший жеребец. Нет ничего. Только обволакивающий, непонятно откуда возникший сумрак. В нем кружились редкие большие снежинки. От неожиданности произошедшего мальчика пробрал озноб. «Что за мир? Где я? Откуда холод? Зима? Она ушла. Что за место? Пекло?.. Говорят, там ведь не только небывалый жар, но и стужа...»

Может, так оно и было. Княжичу казалось, что все, что происходит с ним, это всего лишь сон. Станный, непонятный, тягучий, дурной сон.

Добромила вдруг охватило непонятное безразличие. Он понял: изменить сейчас что-либо – невозможно. Это судьба. И сейчас просто все идет своим чередом. Так уж предрасположено. Всем ведомо: нити людских судеб в руках богов, и не знает человек, что ждет его завтра и когда будет подрезана нить его жизни.

И то, что сначала они направились не к волхву Хранибору – а к странному месту, к Древней Дороге; и то, что приехав, они увидели внезапно открывшийся перед ними чужой, ни с чем не схожий мир; и то, что Дичко так неожиданно взбесился и понес его в незнакомую землю – все это судьба. Рок.

И он должен пройти это испытание. Хотя... чем оно кончится, мальчик не догадывался. Он или его конь оказались во власти той силы, противиться которой не может ни один человек.

Добромил неожиданно понял: он стремительно несется к той черте, что отделяет мир живых от того неведомого края, в котором обитают ушедшие навсегда.

Княжичу померещилось, что под копытами жеребца вдруг разверзся темный бездонный провал; что оттуда, из мрака, доносится лязганье сотен цепей, посвист бича и дальний, неуловимо-протяжный стон тысяч и тысяч людей; померещилось, что жеребец Дичко мчится над бездной, среди пустоты, забвения и холода. Нет... Не почудилось. Увы, все происходящее являлось самой что ни на есть настоящей явью.

И коня, и Добромила уже окутывала непроницаемая, без единого проблеска, жутковатая тьма. Тьма везде: сверху, снизу, по бокам, спереди, сзади... Тьма обволакивала, скользкими щупальцами вползала под легкую одежду, ледяным дыханием колола сердце, морозила и мальчика, и коня.

Добромил чувствовал: стынет тело и коченеют руки. Становится все трудней шевелиться и даже дышать.

И жеребец умерил свою бешеную скачку и перебирает ногами все медленней и медленней. Кажется Дичко застывает на ходу.

И все это происходило в странном молчании: неслышно уже ни цокота копыт, ни хрипа, что издавал Дичко несясь бешеным скачем. Будто все земные, привычные звуки заглушила эта тьма. Добромил повел глазами вниз. Даже дороги не разглядеть, будто и нет ее вовсе. Внизу только мрак, а вокруг только еле слышный, похожий на бесконечный вздох стон.

Впереди, среди тьмы, вспыхнула слабая красноватая искорка. Рядом еще одна... Затем еще... Огоньков становилось больше, они увеличивались, становились ярче, разгорались.

Добромил понял – это на пределе тьмы светят далекие неисчислимые костры. А за ними – дальше, в бесконечности, – неторопливо занималось тусклое багровое зарево.

Оно медленно и неотвратно приближалось. И тут в еле уловимый, заунывный то ли стон, то ли вздох вплелся иной звук. Раздалось хлопанье крыльев и хриплое карканье. Княжич увидел, что высоко впереди кружил большой ворон – мудрый слуга и любимец Мораны. Уж на что беспрогляден окружающий мрак, но крылья вестника смерти черней. И тут отблески дальнего багрового зарева запылали на них... Крылья ворона будто затлели, казалось, с их концов слетают искры. Мальчика пробрала дрожь.

Ворон – то спускался, черной тенью перечеркивая зарево далеких костров, то вновь взмывал. Но княжич заметил – вестник смерти не может пересечь невидимую определенную черту. Не может подлететь ближе. Будто что-то не пускает его.

«Граница – там! Перед вороном!.. И я к ней приближаюсь – вернее, она близится. Дичко-то застыл, будто неживой...»

И в самом деле, конь замер в полете, не касаясь копытами земли. Если она была в этом месте, конечно. Внизу Добромил видел лишь темный провал, бездну. А над ней летел застывший Дичко..

Незримая черта, отделяющая мир мертвых от мира живых, близилась.

«Смерть! – ожгла мысль. – Это оно – преддверие пекла! Но как же? За что!..»

Ведь сейчас все происходило так, как рассказывали Добромилу сведущие люди. В том числе и его наставник – бывалый мореход Любомысл.

А уж он-то за свою долгую, богатую приключениями жизнь повидал и необъятный мир, и множество разных людей, среди которых порой встречались и отъявленные душегубы.

И выслушал Любомысл, соответственно, бездну ярких, порой казавшихся невероятными, историй. Среди них встречались и рассказы о том, куда уходят великие злодеи после земной жизни.

По-разному говорят о том месте. И у каждого народа свое предание о мире мертвых. Бродят в нем невиданные чудовища. Повелевают чудовищами жестокие боги. Мучаются за гранью мира души тех, кто при жизни не по правде жил, не по тем законам, что дал великий Род. По-разному описывают землю мертвых грешников...

В одном лишь сходятся слухи о том месте. Царят в нем – или небывалый холод, или невыносимый жар. А порой огонь и лед соседствуют. Но пламя не топит лед, а лед не гасит пламя. Не идут они друг на друга войной, а терзают души тех, кто оказался в пекле. Чтоб ни на миг не могли избавиться грешники от мук, чтоб помнили, где они, и почему очутились здесь.

Вот и сейчас: огонь еще впереди, а холод, что окутывал Добромилу, набирал силу, морозил тело и сжимал сердце. Но ладно мороз – и от него можно спастись, если двигаться и шевелиться шустрей. Благо упасть с коня Добромил уже не боялся: Дичко застыл окончательно. Можно было бы хлопнуть себя по плечам, растереть грудь... Но не получалось...

Княжичу становилось все труднее двигать руками, сжимать и натягивать повод. Все тело будто сковали невидимые цепи. Мальчик с усилием обернулся. Сзади мрак прорезало яркое круглое пятно. Добромил понял – там выход из владений Мораны. Но как же его сюда занесло? Как выбраться? Как повернуть Дичко, который, замер каменным изваянием. Даже

разметавшаяся белоснежная грива застыла, будто на тех рисунках, что украшали книги княжича.

И хотя и конь недвижим, и Добромир уже с трудом мог шевелить руками и двигать телом – только голова еще слушалась и даже что-то соображала – княжич вдруг почувал, что незримая черта, из-за которой уже не будет возврата, уже рядом, почти перед мордой Дичко...

Да, это именно так. Невидимая грань меж миров, проклятая черта, приблизилась быстро и неуловимо. Ворон, что находился за ней, уже не взмахивал крыльями. Он парил чуть ли не над головами Дичко и княжича. Описывал большие круги, удалялся и вновь подлетал все ближе и ближе.

Любимец Мораны больше не каркал – он клекотал, предвкушая пир. Всем ведомо – нет лакомей блюда для птицы смерти, чем клевать глаза павших на поле брани. Глаза неуспокоенных воинов – его добыча. Клекот нарастал...

И вдруг вспыхнул свет. Он был настолько ярок и нестерпим для глаз, что княжич поневоле зажмурился. Казалось, разом полыхнули сотни зарниц.

Вроде бы после жутковатого мрака, что царил во владениях Мораны, свет должен казаться благом. Но облегчения не наступало. Глаза резало, из них помимо воли текли слезы. Вспышка показалась невыносимо долгой.

На душе потеплело. Добромир вдруг понял, – все обойдется. Он выберется из преддверия пекла. Так или иначе – выберется. Он не достанется ни Моране, ни, тем более, ее слуге – ворону. У него есть заступник – этот неожиданный яркий свет.

«Перунов огонь! Молнии! Он меня защитит! Батюшка-Перун покровитель воинов! Он не покинет меня: ведь я хоть и мал – но воин и дружинник, как мои друзья!..»

Но этот свет отличался от молний Перуна. Когда грозный бог бьет без передышки, да еще рядом – никакие глаза не вынесут. А тут иное. Этот свет отличался от грозных вспышек. Он более мягок, вроде бы от него исходят тепло и доброта.

При свете Добромир увидел, что совсем близко от морды Дичко – наверное, в двух-трех шагах – плещется стена мрака. Она перекатывалась темными клубами, выпускала языки, будто пыталась лизнуть княжича и коня. Немного осталось, еще чуть-чуть и...

Странно было все это видеть. Он и Дичко на светлом месте, а тьма рядом. Впереди. Но не ровная, а будто живая и тянется к ним, словно хочет ухватить. А в ней, уже поодаль все так же кружил ворон. Он уже не клекотал – как-то раздосадовано сипел.

В этом звуке слышались обида и разочарование: ведь добыча была так близка! Страх у Добромира исчез. Он почувствовал, что невидимые цепи, что сковывали тело, исчезли. И Дичко уже не несется над темной бездной, а твердо стоит на земле. Впрочем, по телу жеребца пробегала крупная дрожь – ему тоже досталось.

И тут раздался голос. Добромиру показалось – он звучит везде, долгим эхом катится по светлой стороне, на которой сейчас находились он и его жеребец. Но нет – голос звучал откуда-то сверху, из поднебесья, если, конечно в царстве Мораны существует небо.

А голос, хоть и принадлежал женщине и был мягок – но звучал твердо и властно. В нем чувствовалась сила и уверенность. Так говорят те, кто знает истину, за кем стоит правда.

– Он не принадлежит тебе, вестник.

– Все, рано или поздно будут моими, – хрипло прокаркал ворон. Он летал у самого края тьмы. Теперь ворон уже не парил неторопливо – нет! – он, как показалась Добромиру, суетливо и беспорядочно взмахивал крыльями. Видимо та, что так неожиданно пришла на помощь мальчику и коню, сильнее слуги Мораны. – Хоть на краткий миг, но будут. В этом моя сила, в этом ты не властна!

– Что ж, тут ты прав, вестник. Но в своем мире пока еще решаю я – а не твоя хозяйка. Убирайся! Убирайся и жди часа, когда тебе будет дозволено забрать его!

Добромилу показалось, что ворон зашелся в тягучем кашле. Но нет – это так смеялась птица смерти.

– Твой мир... – прохрипев горлом, наконец-то смог выдавить ворон. – Твой мир... Что от него осталось? Исчезнет он – уйдешь и ты. А власть моей хозяйки безгранична! Она вечна. Отдай мальчишку!

– Передай своей госпоже – не тем силам она стала служить! Если ей мало той власти, что она имеет – то скоро потеряет все. Даже ту малую частицу, что даровал ей Род.

– Отдай!

– Нет! Никто не властен над ним! Он не нашего мира! И не моего, и не твоей хозяйки, и не мира людей.

На Добромила пахнуло обжигающе-жарким, будто пламя, холодом. Суматошно взмахивая крыльями, ворон отпрянул от черты.

Теперь со стороны тьмы вместо хриплого досадливого клекота зазвучал иной голос. Тоже женский. Холодный и тяжелый. Лишенный, казалось, не только каких-либо чувств, но и самой жизни.

– Отдай его мне.

– Нет, Морана. Ты его не получишь. Разве мало тех могил и курганов, что ежедневно тебе дарят?

В безжизненном голосе появилась какая-то тоска.

– Курганы... – с надрывом сказала Морана. – Да, ты права. Они есть, и они будут. Не хватает лишь одного. Того, что принадлежит мне по праву. И мальчишка поможет мне овладеть тем курганом. У него сила. Это может только он. В нем бурлит кровь великого злодея и великого праведника. В нем суть беса, в нем частица демона!

– Ой ли? Зачем тревожить проснувшееся? Да и демон, о котором ты говоришь, тоже иного мира. Пролетит время и все станет как прежде!

– Отнятая у меня могила должна вернуться.

– Нет! Ты знаешь, какое место скрывает этот курган. Его трогать нельзя... Тот курган не в твоём мире, у тебя нет на него права. Как только ты возьмешь мальчика – начнется начало конца. Исчезнет порядок мироздания. Мертвые начнут оживать и вновь умирать. А живые будут умирать в рассвете лет и вновь оживать в младенчестве и старости. И так без конца. Порядок, что установил Род – порядок на все времена. Если он исчезнет, то порушится все. Уйдут и люди, и духи, и боги. Сгинет все живое и неживое. А потом исчезнет и Род, ибо невозможно создать что-нибудь вновь из ничего, исчезнешь и ты. Добромил будет твоим. Потом. На время... Но не сейчас, и не в моем мире...

Мальчик ничего не понимал. Разговор богинь – а он уже не сомневался, что Моране противостоит богиня – внушал трепет.

Вдруг княжич почувствовал, что тьма стремительно отдаляется от него, и вокруг вновь появился тот неведомый мир, в который занес его Дичко. А сзади скачет Прозор, и что-то дико кричит. Наверно, ему... Княжичу показалось, что его сердце вдруг сдавила ледяная рука, и он лишился чувств...

А Прозор уже не чаял нагнать Добромила. Уж слишком резвым жеребцом показывал себя Дичко.

Богатырь нещадно гнал своего могучего коня. Не жалел ни его, ни себя. Никогда он не мчался столь быстро! Но все попусту. Княжич уходил вперед. Все дальше и дальше.

Где-то вдали за Прозором скакали Борко и Милован. За ними гнался старик Любомысл. Они безнадежно отстали. Их кони не выдерживали бешеной скачки. Прозор оглянулся на спутников, смерил расстояние до Добромила и выдохнул сквозь зубы: – Что ж это такое?! Что за бес в Дичко вселился!..

Может, так оно и было. Может, Дичко овладели злые силы. Прозору почудилось, что округ Добромила, вровень с ним движется сумеречная тьма. Казалось, к мальчику и коню со всех сторон тянутся острые темные языки. Чуть ли не касаются их. Будто хотят облизать, но не дотягиваются.

«Точно! Дело нечисто!..»

Вдруг предводитель увидел нечто необычное, что никак не укладывалось в голове.

«А ведь Дичко-то уже не несет! Эвон, как ровно идет! И рысью, спокойно – а не скачками... И на дорогу выскочил, значит ног по кочкам не перебьет. А ну-ка!.. Не подведи, гнедой!..»

Будто услышав Прозора, будто вняв его мольбам, гнедой жеребец напрягся, вытянулся тетивой и стал медленно нагонять Дичко.

«Ух!.. Это дело! Щас я княжича перехвачу, сдерну к себе... Эх, как мой-то коняга пошел!

– Добромил! Добромил! – что было мочи заорал Прозор. – Щас тебе помогу! Я тебя схвачу, а ты в меня котом цепляйся!

Но княжич не обернулся на истошный крик дружинника. Сидел в седле ровно. Богатырю показалось – мальчик окаменел.

Так порой бывает с человеком, что полз ввысь по отвесной скале и вдруг не почувял под ногами опоры. Суматошно нащупал маленький выступ, уперся в него ногой и замер. Вниз глянуть жутко. Кругом пустота. Тогда только и остается, что вцепится в невидимые трещинки и бояться не то что шелохнуться, а даже дышать. Надо замереть, а то одно неверное движение – и уже ничего не поправишь...

А расстояние меж гнедым и Дичко сокращалось. Вот уже близко та непонятная тьма, что окружала Добромила. Уже рядом колышутся те острые языки. Один из них, словно невзначай, лизнул Прозора по лицу.

И тут могучего дружинника обуял страх. В жизни такой жути не ведал! Вдруг помнилось, что он летит высоко-высоко. Несется среди тьмы, а под ним на бесконечной темной земле горят неисчислимые костры, а еще дальше восходит мрачное багровое зарево.

Помнилось... И схлынуло! Прозор увидел, что вокруг него снова та незнакомая земля, а Добромил уже рядом – руку протяни!

Не мешкая богатырь изогнулся ловкой рысью, потянулся... И схватив княжича поперек тела, сильно – нещадно! – выдернул его из седла.

Ошибись Прозор хоть чуть-чуть! Не соразмерь свою силу и ловкость, то все... В лучшем случае на таком бешеном скаку они сверзились бы вниз так, что... А в худшем... Впрочем, времени размышлять не было.

Все обошлось. Мощные руки уложили княжича поперек крупа жеребца – будто невеликую охотничью добычу. Тут же Прозор потянул поводья. Гнедой жеребец смерил бег и встал.

А Дичко, освободившейся от ноши, вдруг пронзительно заржал и описав широкий круг подбежал к гнедому и ткнулся мордой в голову Добромила.

Прозор цыкнул на жеребца. Экий неучтивец, натворил незнамо что и ведет себя так, будто ничего не случилось! Потом виниться будешь. И до тебя черед дойдет. А сейчас не мешай.

Ловко и бесшумно соскочив на серые дорожные камни, богатырь бережно взял княжича на руки, не мешкая отнес его на траву.

У Добромила были плотно сжаты веки и казалось – он не дышит. Мальчик будто окаменел: настолько твердо и холодно его тело. Даже сквозь одежду ощущается. Будто он на морозе побывал. А ведь тепло...

Прозор утер взмокший лоб откинул разметавшиеся белые пряди волос и стал поджидать спутников. Любомысл хороший знахарь – поднимет княжича. Вон, как спешит. Старик-старик, а уже вровень с молодыми скачет. И правильно – видит, что вроде бы все обошлось – но что-то не так. Добромил лежит, а Прозор над ним склонился.

Богатырь поднес лезвие ножа к губам Добромила и облегченно перевел дух. Блестящий клинок сразу же запотел. Дышит княжич...

Молодцы слету прыгнули на землю. Милован первым, а Борко чуть припозднился: с перебитой рукой не распрыгаешься.

Парни встали за Прозором. Переглядывались. Поджидали всезнающая Любомысла. Что ж медлит-то? Но это им казалось. Старик спешил изо всех сил – мысленно ругаясь всеми ведомыми ему нехорошими словами. Корил себя, что выбрал такую неторопливую лошадку. Но соскочил как молодой, и сразу же тронул за плечо Прозора: «Мол, что там? Отодвинься, дай я гляну!»

Прозор обернул к нему побледневшее мокрое лицо.

Любомысл понял – это не от усталости. Ее Прозор не ведал. И не от страха. За себя богатырь не боялся. Уж что-что, а в себе он уверен. И недаром: то, что говорили люди о его силе и отваге – домыслом не было, не на пустом месте выросло. Уж это Любомысл знал. Прозор ему друг. А в это слово старый мореход вкладывал особое значение. Друзей не бывает много. Этим словом не разбрасываются.

Дело в другом: в седле взбесившегося жеребца сидел не он, а княжич Добромил. Этим и объяснялось волнение Прозора. Любоим венд, состоящий на службе виннетского князя, не раздумывая, отдал бы жизнь за Добромила. И не потому, что он наследник. Нет. Нечванливый, простой и доброжелательный княжич был для суровых воинов как сын.

«Прозор просто осознал, что могло случиться, – рассудил Любомысл. – Когда скакал за княжичем, то переживать было некогда. Мы тоже не думали. А вот сейчас... Прозору даже страшно подумать, что случилось бы с Добромилом, не выдержи княжич бешеной скачки, и свались оземь. И мне страшно... Ох, что за мысли голову лезут!»

Старик тяжело вздохнул.

– Да не вздыхай ты так жалобно, старче! – Это Прозор поднял к нему лицо. Дышит наш малец. Все хорошо...

– Хорошо-то хорошо... – проворчал Любомысл. – Хорошо, что с коня княжича сдернул да не покалечил. Видели... Да что ты расселся! – неожиданно прикрикнул старик. – Дай мне княжича глянуть! Поболе тебя разумею!

– Гляди! – Прозор с готовностью вскочил. – Без чувств он, и холоден как ледышка. Я это сразу почувствовал, еще когда с жеребца ссаживал. Не знаю, почему...

Добромил лежал бледный. Обычный румянец исчез. Тонкие черты лица заострились и вытянулись.

«Будто покойник! – испугался Любомысл. – Да что ж...»

Тут княжич неожиданно открыл глаза и Любомысл содрогнулся. Глаза такие же: серые, живые... Но... Что-то в них изменилось. Исчезла детская непосредственность и бойкость. Сейчас они были чужими. Взрослыми, что ли. И них стояла мудрость и непонятная тоска.

– Да что с тобой, княжич! – переполошился старик. – Ты что?!

А Прозор обрадовался. Княжич цел. Жив-здоров, и это главное. Облегченно вздохнули молодые дружинники – Борко и Милован.

Добромил приподнялся, посмотрел на Дичко, что понуро стоял рядом, будто чувствовал свою вину, и неожиданно для всех прижался к широкой груди Прозора.

Кругом свои, и нет больше мрака и летающего в нем ворона. Нет Мораны с ее обжигающим холодом. Нет костров и тянущего к себе темного багрового зарева вдалеке. Ничего этого нет!

Добромил осознал, какое неожиданное и нешуточное испытание выпало на его долю. Последнее, что он почувствовал, это то, как сдавило сердце и как сильные руки Прозора выдернули его из седла. А он сидел оледеневший, не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Прозор какой уже раз оберегает его от беды!

Богатырь положил руку на белокурую голову.

– Ничего княжич. Все позади, – глуховато вымолвил он. – Теперь мы на моем коне поедем. Он сильный: двоих запросто выдюжит! Я здоровый – а ты маленький. Сложить нас, да поделить – вот и выйдут два человека. Ты же видишь, меня – этакого лося носит, и ничего.

У Прозора в горле встал ком. Он уподобился своему другу – старику Любомыслу. Тоже начал говорить нараспев, будто сказку сказывал.

Добромил улыбнулся. Глаза мальчика потеплели, и к радости Любомысла в них снова появилась та детская доверчивость, что так радовала друзей княжича.

Мальчик улыбался тому, что представил удивительное зрелище. Будто бы на гнедом жеребце Прозора сидит большой добрый лось. И этот лось-предводитель ведет их по лесу, оберегая от всяческих опасностей. Ведь Прозор же из рода Лося! Эх, как ловко у него получилось сказать!

Сам того не сознавая, Прозор умудрился разом изгнать из сердца мальчика все жуткие воспоминания. Сейчас княжичу все казалось простым и нестрашным.

– Спасибо тебе, Прозор! Спасибо, что спас меня! Дичко понес, а я ничего не мог сделать. Ох, друзья! – Добромил округлил глаза. – Что я видел! Не поверите!

– Что же ты видел, дитяtko? – заулыбался Любомысл. – Деревья неслись рядом, да камни эти несусветные да лиловые?

– Царство Мораны я видел! Вот что! – Добромил сдвинул брови. Сейчас он думал, а не показалось ли ему все это.

Но встретив вмиг ставшие серьезными глаза Прозора, понял – не показалось.

Богатырь вдруг потемнел лицом, и, значительно посмотрев на Любомысла и разинувших рты молодцев, кивнул. Да, так! Он тоже видел полупрозрачные темные языки. Будто густые рои мошкары вокруг Добромила вились. И еще он видел множество костров на темной земле. И темное зарево.

– Потом, Добромил, – сказал Прозор. – Потом все обсудим. Я тоже кое-что видел. А сейчас, – тут он понизил голос, – забудь. Забудь, мальчик... А то накликаешь. Она рядом ходит, не ушла...

Прозор сказал это так значительно и так проникновенно, что княжич почувствовал как стирается из его памяти страшное воспоминание. Тает. Уходит, будто далекий сон. Добромил просветлел лицом.

Мальчик обернулся к Дичко. Конь стоял неподалеку и, как ни в чем не бывало, пощипывал траву. Нет... Что-то в ней не нравилось ни ему, ни другим лошадям. Они раздували ноздри, осторожно принюхивались, фыркали и, казалось, раздумывали – а стоит ли ухватывать следующий клочок? Нужен ли он? Уж больно необычно пахнет эта с виду молодая трава!

– Что ж это на него нашло-то? А? Сейчас спокойный, а был... Спасибо, Прозор, – еще раз повторил Добромил.

– Ладно, – благодушно отозвался богатырь, – не бери в голову. Сегодня я тебе помог – завтра ты меня выручишь. Забыли. Прыгай на гнедого. Возвращаемся. А то невесть куда захали.

Прозор повернулся, и... Появившейся было радужный настрой схлынул. Лицо изменилось. Будто туча нахмурилась.

Дальний конец дороги – по которой они только что резво и не по своей воле неслись – скрывал тяжелый плотный туман.

– Вот так-так... – протянул Прозор. – Да что ж это такое? Мне что, кажется? Гляньте, люди!

Впрочем, венды и без его возгласа потрясенно смотрели вдаль. Да-а... То место, от которого началась бешеная скачка недавно – только что! – было чистым! А сейчас проход в свой мир – в родные леса – скрадывал невесть откуда возникший туман.

– Ух... – Голос Милована дрогнул. – Откуда он? Припекает же, солнце бьет! А он наверху, на открытом месте лежит! Не должно его там быть! Не должно! Наколдовал кто-то, не иначе. Любомысл! Ты все знаешь, поясни!..

Но у всезная-старика ответа не было. Загадка... Что это за диво, он пока понимал не больше остальных. Старый мореход пригляделся. А ведь туман-то растет! Ввысь! Прямо на глазах! Вон, уже верхушки деревьев скрыл. Они только что из него торчали!

Теперь уже помрачнел Любомысл.

«Так! – Начал рассуждать он. – Древний Колодец в родном лесу нашли. За ним дорога шла. Тоже Древней зовут. Серыми камнями вымощена. Прозор уверял, что она неожиданно обрывается. И викинг Витольд то же самое рассказывал. Только вот не оборвалась она, а в неведомый мир путь показала. А тут Дичко взбесился и княжича по ней понес. Когда за ним скакали, то я краем глаза мелочи отмечал. По старой привычке. Мало ли что... Видел, что вдоль серых камней туман стелился. Легкий. С обочин камни лизал. Это было, да... А вот как этот туман так сразу вырос? За Добромилом ведь недолго гнались. Всего ничего! Не иначе, как снова с чем-то недобрым столкнулись?»

Любомысл пожал плечами. Борко и Милован, насупив брови, тревожно оглядывались. Не случилось бы еще чего. Все это похоже на ловушку. Мд-а-а... И версты не проскакали, а все в этом месте не так. Что за чудная земля?

Деревья тут не такие, как в родном лесу. Какие-то островерхие и нескладные. Изломанные, что ли... Зелень иная, темнее. Листья жесткая и неподвижная. Не видно ни сосен, ни елей. Вдали лиловатые скалы торчат. Валунуны там и сям разбросаны. Тоже лилового цвета – будто небо на глубоком закате. Молодцы отродясь таких не встречали.

Одно знакомое в этом чуждом мире и осталось. Вон, Древний Колодец вдали виднеется. А ведь и он не такой как прежде! Не на том месте стоит. Когда к нему в родном лесу подъезжали, так он у самой дороги был. Даже отсюда видно, что колодезь вдруг дальше отодвинулся. И вода из него уже не течет. Когда в своем лесу мимо проезжали – видели, что края мокрые. А в этом кладка сухая.

И ручья не видно, что из колодца начало брал. Вдоль него разноцветье травное, что за лето в разное время появляется, вдруг враз в одном месте выросло. Вдоль дивного ручья и весенние травы распускались, и осенние росли.

Парни переглянулись. Это не тот колодец. Этот другой, но похож. Их два и они будто родные братья, словно один мастер их делал. Но один в родном лесу остался, а этот – сухой – здесь стоит. Куда ж их занесло?

– Едем обратно, глянем, что там... – хмуро бросил Прозор и опершись о лук, не трогая ногами стремян, вскочил в седло.

Дружинник протянул руку Добромилу и усадил княжича впереди себя. Так надежней и спокойней.

Затем Прозор подъехал к Дичко и перехватив тесненный повод ловко примотал его к луке своего седла.

– На привязи пока походишь. Потом разберемся, что с тобой. А то видишь – куда ты нас завел. Едем, парни.

Дичко затрусил рядом, тревожно и жалобно косясь на Добромила. Конский взгляд, казалось, молил: «Я не виноват! Сам не знаю, как это вышло... Прости!»

Княжич вытащил из поясной сумы просоленный сухарь и протянул жеребцу. Он ни в чем его не винил.

Вскоре подъехали к краю тумана. Вблизи осторожничали, вдруг в нем что-нибудь засело? Вдруг снова придется с нежитью столкнуться? Венды помнили, что пережили прошедшей ночью. Теперь в неясных местах они всегда будут начеку.

Примеру Прозора, который достал лук и держал его в левой руке, зажав меж пальцев стрелу – так, чтобы только осталось натянуть тетиву, последовал Милован. Его друг Борко мог лишь только вытащить меч. Еще вечером запущенный нежитью валун перебил молодцу левую руку. С одной рукой, сидя на лошади, тетиву не натянешь. Это только на земле можно сделать. Лежа.

Княжич сжал серебряную рукоять меча. Старик Любомысл вертел меж пальцев небольшую серебряную денежку. Если что-нибудь из тумана выскочит, он ею сразу запустит в супостата. Серебро первое дело. Он помнит, как им от нежити, что с Гнилой Топи вышла, отбивались. Не будь этой ночью при них серебра, то...

«Эх, надо бы пращу сделать, – запоздало сообразил Любомысл. – Она и дальше бьет, и сильнее. Когда передых будет, то налажу...»

То, что они обязательно совладают с новой напастью – туманом, старый мореход не сомневался. И не из таких передряг выбирались. Этот туман вызывал в нем полузабытые воспоминания. Старик начал припоминать, что он когда-то слышал о таком диве...

Туман чуть клубился. Будто живые медленно плелись серые, с синеватым оттенком языки. Словно разговаривали меж собой, лизали друг-друга.

Венды остановились поодаль. Прозор с сомнением смотрел на неожиданно возникшее диво. Солнце высоко, припекает, а тут – около серого непроницаемого для глаз тумана – прохлада. И ветра нет – это чувствуется. Даже листва чудных деревьев не дрожит. Тишина...

От чего же туманные сгустки переплетаются и шевелятся? Что движет эти рваные языки?

У Прозора неожиданно, как и утром – когда отъезжали от зимовья – заломило виски. Опасность! Сейчас надо быть стократ осторожней!

Если ни с того ни с сего в голову ударила боль, то надо сначала поразмыслить, где кроется угроза. А уже потом что-либо делать.

Этот дар дался Прозору еще в далеком детстве, когда он важно ходил сопливым мальчуганом. Он тогда ночью на древнее болото – Гнилую Топь – сдуру зашел. Захотелось, вишь, папоротников цвет добыть. Цвет-то он сорвал, да заодно увидел, как мертвяки в невиданной одежке по ряске бродят и не тонут. Вот болото и наградило его способностью чують опасность заранее.

Милован тронул повод. Чмокнул губами – понукая лошадь.

– Посмотрю, что в тумане.

– А ну стой! – рявкнул Прозор. – Я тебе посмотрю! Привыкли очертя голову в омут бросаться. А вдруг ты там башку расшибешь? Хватит с нас одного болезного, – предводитель кивнул на Борко, что печально прижимал перебитую руку к груди. Печалился молодец от того, что завидовал своему другу Миловану. Тот ведь двурукий. Ему первому дела делать дозволено.

А Прозор не унимался. Сейчас он выскажет молодым увальням все, что думает о героях, которых жизнь за волосы не таскала и размышлять не научила! Дурни-богатыри только в сказках бродят и мечом направо и налево без разбору машут. Потом, мол, разберутся, кому непутевую башку снесли. А тут жизнь, не сказка.

Впрочем, предводитель быстро остыл, сам таким рьяным когда-то был. Чего уж там...

– Сначала обдумать надо, – сказал он. – Вон, в своем лесу – где каждое деревце мило и знакомо – подъехали к краю дороги. Мол, открылась она. Проход в неведомый мир появился.

Эко диво-дивное! Надо посмотреть и разведать, что там дальше! Посмотрели. И что вышло? Сами видите. Добромила чуть конь не убил. И мы заехали незнамо куда. Шевелится этот туман. Будто живой. Чуете? Ни ветра, ни сквозняка. Что думаешь, Любомысл?

А что мог сказать Любомысл? Он задумчиво чесал седую голову. Старик вспомнил, что о слышал о таком тумане. Весь богатый опыт, все знания старого моряка и тут пригодились.

В морях есть туман. Всегда. И он движется. Редко случается так, что он замирает. Это бывает при полном безветрии. Но в море всегда есть ветра, почти всегда. Но это и ясно: море – есть море. Хотя, есть и другой туман.

– Скажу так, други. Думаю, не стоит туда сломя голову кидаться. Чай не кабаны, что в камыши забрели. Видите – какой он странный. Впрочем, не странней той стороны, куда нас занесло. Выбираться надо. Только вот что, вспомнил я кое-что и появилась у меня одна мысль...

Любомысл соскочил с лошадки и носком сапога принялся раздвигать жесткую траву. Старик выискивал подходящий камень. Из найденных выбрал один: не увесистый и в руке хорошо лежит.

Венды недоуменно смотрели: что это он удумал? К чему камень?

Отойдя подальше, Любомысл несильно запустил его в туман.

Он метил так, чтобы камешек полетел посередине дороги и не очень высоко. Кинув, тут же резво отскочил в сторону.

Камень вылетел обратно. Сначала скрылся в плотной пелене и будто от чего-то там отскочил. Но стука слышно не было. Мягко влетел в туман – и мягко и несильно вылетел и упал чуть дальше того места где только что стоял Любомысл.

– Так... – удовлетворенно крикнул старик. – Теперь понятно... Эй! Да ты что?! – Любомысл увидел, что Милован легко, незаметно глазу изготовил лук к стрельбе и вот-вот спустит тетиву. Молодец собрался стрелять в то место, куда он только бросил камешек. – Ополумел?! А ну опусти!

Милован нехотя повиновался.

– Что за бес там швыряется! – удивился Прозор.

Сам он даже не пошевелился. Лук с наложенной на тетиву стрелой так и не поднял. К чему? В себе уверен – успеет удар отразить. Но на молодцев богатырь глянул одобрительно. У парней глаза хоть и горят, но держаться спокойно. Борко, хоть и однорук сейчас, но меч держит легко, будто не покалечен. Может и сам напасть и, случись такое, от врага защититься.

«Пусть выглядят увальнями и недотепами, зато к бою всегда готовы, – одобрил Прозор. – И верно: Велислав, он кого попало в княжью дружину не берет».

Предводитель поднял руку. Мол, спокойно. Опасности нет. Богатырь это понял по лицу Любомысла. Старый мореход смотрел на туман задумчиво и спокойно. Тревоги уже не высказывал. Видимо, окончательно все для себя уяснил.

Прозор вдруг ощутил, что боль в висках неожиданно утихла.

Богатырь соскочил с коня и неторопливо выковырял с края дороги увесистый серый булыжник. Так же, как Любомысл, отошел подальше от спутников и размахнулся.

– Стой, стой! – закричал старик. – Ты что удумал?

– Как что? Сейчас тому, кто там балует, башку расшибу!

– Погодь, богатырище! А ты случаем не подумал, что себя расшибешь? Ты ж видел, как я камешек бросал? Бережливо. Неспешно запустил. Вот он и вылетел так же, без силы. Я и увернуться успел. А ты вон, валуном хочешь вдарить. Силу девать некуда? Чего ради так замахваешься? А если тот, кому ты с дури своей собрался башку проломить, сильнее ответит? Да размахнется поболее, да камень не мимо полетит – а тебе в лоб? Ведь твою же голову зашибет, Прозорухка! Я-то знаю: увернуться ты всегда успеешь. Но... Ты заметил,

что камушек мой пролетел точнёхонько над тем местом, откуда я его бросил? Видел? Так что вот тебе мой совет, Прозор! Не спеши! Не метай сильно свой булдыган! Их из тумана с той же силой отбивает. А как бросишь – сразу в сторону! Считаю, что сам с собой камушками играешь. Уяснил?

– Уяснил, – улыбнулся Прозор, – слышал я о таком диве. Но камень брошу, как умею. А ты отодвинься...

Любомысл припустил к спутникам, подальше от дружинника.

Булыжник с гулом полетел к туману. Прозор, не дожидаясь пока камень врежется в серую пелену незримо исчез и тут же возник рядом со стариком. Только тень мелькнула! Любомысл вздрогнул: опять Прозор напугал его. Скачет как бес в пекле!

Камень вылетел обратно. Стукнулся о дорогу и запрыгал, выбивая из собратьев серые осколки.

Прозор ухмыльнулся. Видать понравилось. Выковырял еще один увесистый камень. На этот раз кинул его сильнее. Но с места не тронулся. Ушел вниз, тенью влипнув в дорогу.

Тут же над ним прогудел вернувшийся булыжник.

Прозор встал, отряхнул ладони. Увидя, что Милован все еще сжимает изготовленный к стрельбе лук, хмуро бросил: – Спрячь. Любомысл же говорил – до добра не доведет. Тут иная причина.

Ну что ж, раз так надо, то... Милован убрал оружие.

– А что? В чем тут дело? – Борко последовал примеру друга и лихо крутанув меч, не глядя вогнал его в ножны. Мол, я и с одной рукой ловок как прежде.

Прозор хмурил брови. Что-то он слышал о таких чудесах. Только вот от кого? Когда и где? Кажется, гадирцы, что в прошлом году в Виннету приходили, упоминали, что сквозь туман шли. Но тогда он без интереса, невнимательно слушал. Он по морям ходить не собирался.

А вот Любомысл! У него еще перед тем, как бросить первый камешек мелькнула догадка. И вот, она подтвердилась. Бывает же так! Сколько лет по морям странствовал и ни разу не встречал этот туман. Только в портовых тавернах разные небылицы о нем слышал. И вот это диво, эта загадка – что пугает и чарует моряков – перед ним. Вот он волшебный туман! Рядом! Только ухватить осталось. Но ничего не выйдет – не поймает. Это все равно, что воду решетом черпать, вернее кисель.

– В мире, ребята, чудес полно! Особенно по морям их много! – воскликнул Любомысл. – И загадок в них – не счесть. Вы слышали о кораблях, что в таком тумане плутают?

– Нет, – отозвался Добромил, – ты еще не рассказывал.

За этими чудесами он уже забыл недавний морок. Улетучилось воспоминание о царстве Мораны.

Сейчас Добромил видел диковинный туман и – судя по лицам Любомысла и Прозора – особых страстей от этого дива ждать не приходилось. – Расскажи, дядька. Что за туман такой в котором корабли плутают?

– Хорошо, княжич. Расскажу, а вы этот сказ со вниманием слушайте, – улыбнулся Любомысл.

ГЛАВА 2. Радужный Путь

Любомысл достал трубку, набил ее табаком, высек огонь и неторопливо выпустил первый клуб дыма.

– Ну что ж, спешить некуда. Все равно мы через Радужный Путь сейчас точно не пройдем. Ждать надо. Слушайте, рассказывать буду. Заодно и покурю. Да на туман посмотрю, запомню. И старый венд начал рассказ.

– Мореходы говорят, что иной раз на воде встречается невеликое туманное облако. Над морем солнышко сияет, ветер паруса надувает. Тепло. По такой погоде – туману не место. А он есть! Глядят на него моряки, дивятся. Порой красиво туманное облако, радужными цветами переливается. Когда сильно – а когда нет. Вот вы на этот туман гляньте. Улавливаете на нем цветные сполохи? Будто радуга слабая?

Да, если пристальней взглядеться, то видно, что по лежащему туману пробегала почти неуловимая цветная рябь. Чуть ярче краски засияй и будет точь-в-точь радуга. Не скажи об этом Любомысл, то войны и внимания не обратили бы. Ведь если не приглядываться, то туман синеватым и плотным кажется.

– Так вот, – выпустив очередной клуб дыма, продолжил Любомысл, – плывет себе по морю туман. Вроде никому не мешает. Но опытные мореходы, – тут старик таинственно понизил голос, будто боялся что услышит кто-нибудь чужой, – в этот туман не лезут... Выглядит облако небольшим. Чего бы, казалось, не пройти сквозь него? Напрямик. Но вот рассказывают, что исчезают в нем корабли. Бесследно исчезают. И порой так случается, что заманивает этот туман в себя. Плывут мореходы по его краю и вдруг видят: расступается он неожиданно и открывается проход. В нем чистая вода. Мореходы, по этой-то чистой воде сквозь туман и проходят. И опять перед ними море и солнышко над головой. Туманное облако позади. Радужными красками поигрывает. Будто радуется, что не побоялись его моряки, доверились. Да, только вот, не по тому морю уже идет корабль, не по той воде.

– Как это? – встрял Милован. – Как это вода не той может быть? Не такая соленая, что ли?

Молодцы слушали Любомысла раскрыв рты. Так всегда получалось: стоило старику начать говорить о чем-нибудь необычном и тут же забывалось все на свете, уходили все невзгоды. И Прозор качал головой от удивления. Надо же! Чудеса! И это морское чудо он сейчас видит. Будет о чем рассказать, когда они домой в Виннету вернутся. В том, что все закончится хорошо – богатырь не сомневался. Дослушают Любомысла и решат, что дальше делать.

– Эх, Милован. Вода-то соленая, такая же вода... Но, – старик со значением поднял палец, – чужая вода. Корабль, что сквозь этот туман прошел, в ином мире оказывается. И попасть обратно домой уже не сможет, сколь долго он бы не плутал. Вернуться в свой мир он может только так: пройти сквозь этот туман назад. Но это не все. Знающие люди говорят, что пока не раскрылся туман, проход не обозначил, то он будто зеркало. Так получается, что если в него – вот как мы сейчас с Прозором – камни бросать или стрелы метать, то все обратно вылетает. Тогда мореходам счастье: если они в это время вошли – то обратно в свой мир вернутся. Туман назад вытолкнет.

Борко пожал плечами. Это они сейчас видели. А вот иные моря? Он свое-то только с берега видел. – Про зеркало и камни понятно. Сейчас видели. А вот про моря? Что за чужие моря? Прости, не хаживали.

– Чего ж тут непонятного? За туманом другое море, иные земли, чужой мир. Звезды на небе по-иному расположены. Другая земля. Понимаешь? Другой мир.

– Как это? – не унимался Милован. – Поясни-ка.

И Любомысл терпеливо пояснял.

– Те земли, что за туманом находятся, они другие. В них тоже есть разные страны. Иной раз даже их названия с нашими схожи. Такие же люди живут – на знакомых языках разговаривают. Порой мореход, что в иной мир попал, хочет свой дом навестить. Навещает! Возвращается, допустим, в свой родной город или деревеньку. И что же видит? Нет у него там знакомых и родни, и никто его не знает! И дома по-иному построены. И корабли другие. И все, что он раньше знал, не так выглядит. Такой вот он – иной мир. Про туман много моряцких баек ходит. Я уж их наслушался. И зовут этот туман так – Радужный Путь. Только вот ни разу не слыхал, что и на суше такой проход в иномирья есть. А оказывается – вот оно что! В нашем лесу нашелся и завел нас неведомо куда! Хотя... Погодь, погодь!..

Любомысл задумался. Брови сдвинулись, и глаза на миг приняли озадаченное выражение. Вспоминал что-то. Размышлял старик недолго: ум цепкий – море приучило быстро соображать.

– А ведь Земли Мрака, из которых бруктеры на мир войной пошли, тоже за туманом лежат. Люди, что там бывали, рассказывали, что в этих землях все по-иному. Звери там бегают – жуть! С нашими не схожи. Деревья невиданные. Жара в той земле всегда. Духота. Круглый год солнце печет. Но ведь в Земли Мрака любой человек войти может. Если отваги наберется. И выбраться из них несложно. Хотя, люди там не живут. Только бруктеры. Дикари. Человеку там сложно, ну а дикари привычны. Но туман вокруг этих земель не радужный. Не такой, как в морях... Нет! – заключил Любомысл. – Туман, что перед нами сродни морским. Эх... Старый я пень! Ну чего б мне раньше о Радужном Пути не вспомнить? Мы бы тогда к Древней Дороге и этому к туману и близко бы не подошли! А все любопытство. Так кто ж знал, что это Радужный Путь? Эх, память... Годы... Да и не видел я его ни разу!.. – клял себя старик.

Впрочем, делал он это напрасно. Никто и ну думал его осуждать. Мир велик, чудес в нем много. Всего не упомнишь.

– Так-так... – протянул Прозор. – Вот оно в чем дело, так-так...

– В чем? – спросил Добромил. – Тоже что-то знаешь?

– Да вот вишь, княжич. О прошлом годе заходил в Виннету необычный корабль. Я таких ни разу не видел. Схож с сидонским, только больше. Парусов на нем много. С него мореходы сошли, твоему отцу – князю Молнезару – богатые дары поднесли. И говорили эти мореходы, что приплыли из далекой страны. Называли ее Великий Гадир. Слышали об этом?

Княжич помотал головой. Нет, он не слышал. А Любомысл оживился. Видел он этих гостей, говорил с ними. Тогда он так и не понял, откуда они приплыли. Теперь все становилось понятным. Сквозь Радужный Путь прошли. Просто тогда гадирцы так и не сказали, где находится их страна. Скрывали.

– Те мореходы тоже дивились, что о Гадире у нас никто ничего не знает, – сказал Любомысл. – Хотя говорили, что об Альтиде наслышаны и давно хотели с нашими купцами торг наладить. Понял я тебя, Прозор. Прав ты. Они из морского тумана вышли.

– И чем же все закончилось? – спросил Добромил. – Будут еще к нам гадирцы приходить?

Прозор хищно улыбнулся. Он помнил, как хитро с этими гостями поступил властитель Виннеты. Воспоминание о проделанной уловке доставило простодушному венду большое удовольствие.

– Тебе отец не рассказывал? Слушай. Князю Молнезару ведомо стало, что не с добром гадирские купцы пришли. Они, княжич, разведать хотели насколько сильна Альтида. Если б мы силу не явили, то они войной бы на нас пошли. Вот и повели их по крепости, да показали гостям оружие, что против саратанов держим. Сам знаешь, какое оно страшное и

как необычно выглядит. Незнающий человек неведь что подумает! Сказали гадирцам, что любим воевать. А когда они дальше в Альтиду проплыли, то увидели, что по берегам и в городах войска великие стоят и дружины вдоль рек идут неведомо куда. Мол, войны не ждем – могущественны и все нас боятся. Но готовимся – а вдруг враг объявится?

Прозор засмеялся. Ему вторил Любомысл. Все верно – они тогда покумекали и решили как бы невзначай устроить далеких гостей. Силу показать. Замысел удался! На обратном пути гадирцы вновь навестили Виннету, и по их любезным, но безрадостным лицам князь Молнезар и Любомысл поняли – со злым умыслом гости из далекого Гадира больше в Альтиду не придут.

– Гадирцы кровавому богу поклоняются, – продолжил Прозор. – Он у нас неведом. Имя ему – Мелькарт. Один из гостей проговорился, что каждый день этому богу человечьи жертвы приносят. Сжигают их.

Прозор стал мрачен. В Альтиде людей в жертву богам не приносили. Если только кто-нибудь сам восхоцет себя принести. Для великого дела это творили: чтоб беду от своей земли и соплеменников отвести. Такое случалось. Это в Вестфолде кровь льется, и то не каждый день. Боги викингов любят кровавое подношение. Викинги приносят в жертву рабов.

– Что за бог такой? – Добромил, Борко и Милован округлили глаза. Самую великую жертву, что мог принести богам охотник, это победить в равном поединке лесного быка-тура. У охотника нож, небольшое копье и ловкость. У тура два острых рога, копыта и сила. Поединщики равны. Кто выйдет живым из схватки – неведомо. Достанет ли охотник до сердца быка каленым жалом, или наоборот – тур втопчет храбреца в землю, то решать богам.

Но прежде чем пойти в этот бой, надо испросить дозволения у богини охоты. Принести ей требы, пожертвовать меха дорогого лесного зверя.

А ведь порой случалось так, что обличье тура принимал сам Перун! Он любил ходить по земле, приняв вид лесного владыки. Попробуй-ка, победи самого грозного бога войны! Тогда, в случае поражения, получалось так, что охотник сам жертвовал себя богам. Все справедливо. Но жечь людей просто так? Да еще ежедневно? Молодые парни не могли этого осознать.

Любомысл хмурился. Когда-то он об этом боге – что ежедневных жертв требует – слышал. Слухами земля полнится.

– Недобрый это бог, парни. В его честь людей на золотых кругах жгут. Когда по морям походишь, разные страны увидишь, то и не такое услышишь. Я когда об этом узнал, то думал – опять сказки, коими моряки друг-друга потчуют. Оказывается, вон оно что! В Гадири это делают. Впрочем, что не земля – то свой нор. Не нам судить... Да, пожалуй твоя правда. Гадирцы сквозь Радужный Путь в наш мир прошли. Это я потому говорю, что твердо знаю – в нашем подлунном мире такой страны нет.

Прозор махнул рукой:

– Ладно, байки байками, а вот как сами-то выбираться будем? Что скажете, други? Думаю так: я сначала в этот туман зайду, да гляну – что там.

– А может, подождем? – спросил Добромил. – Вдруг он исчезнет? Тогда и выйдем свободно.

– А если не исчезнет? – отозвался Борко. – Мы с тобой пойдем, Прозор! Я и Милован. А княжич и Любомысл тут подождут. Если все хорошо – за ними вернемся.

Парень решительно сжал рукоять ножа. То, что у него сломана рука – ничего не значит! Он дружинник. Значит должен оберегать княжича и биться до последнего вздоха. Биться – невзирая на раны! А тут и шла битва с чем-то неведомым.

– Стой, стой! – Прозор отстраняюще поднял руку. – Вы тут нужны. А кто княжича охранять будет? Коней сберечь? Любомыслу и Добромилу, случись что, одним не управиться. Один пойду. А вы бдите!

– Погоди

Любомысл быстро сдернул с седла моток веревки. Такая у каждого ездока есть. В пути много чего неожиданного может случиться. А эта пеньковая веревка порой здорово выручает. Прочная, жесткая. С торчащими в стороны волосками. Когда на ночлег укладываешься, то обязательно надо огородить себя кругом из такой веревки. Круг – нечистую силу не пустит. И через веревку ни один гад не переползет – змеям она в брюшко впиваться будет. На корабле иные веревки концами зовутся. Без них никак. Особенно в бурю. Если через корабль перехлестывают волны и в любой миг может смыть за борт, то надо обезопаситься. Обвязаться веревкой одним концом, а другой примотать к крепкой и надежной снасти. Тогда, если в воде очутишься, то не унесет, – за веревку обратно вытащат.

Все эти соображения мигом пришли на ум Любомыслу. Он протянул моток Прозору.

– Держи конец. Обвяжись. Так надежней. Если заплутаешь – мы тебя вытянем. Сначала далеко не заходи. Хорошо?

– Хорошо.

Прозор споро прикрепил один конец веревки к седлу гнедого. Другой привязал к поясу. Моток сунул в руки Миловану.

– Держи, друг. Разматывай. Я пойду, а ты следи, чтоб она за мной внатяг шла, земли не касалась. А то зацепиться за что-нибудь... Как почуешь, что два раза дерну, так гнедого хлещите. Он вытащит.

Прозор улыбнулся и бесстрашно шагнул в туман.

Странно было видеть, как к нему вдруг потянулись легкие клубы и языки. Они неожиданно заиграли красками, запереливались радужным цветом, словно радовались, что их кто-то наведаль. Казалось, диковинный туман ласкает сильный стан Прозора.

Милован и Борко переглянулись. Добромил смотрел во все глаза. А старик Любомысл – уж на что повидал разные чудеса и, казалось, его сложно чем-то удивить – и то покачал головой. «А Радужный Путь-то – не просто туман! Он будто живой!»

Прозор скрылся в тумане. Милован неспешно разматывал моток и следил, чтоб веревка не провисала и не волочилась по земле. Парень тянул ее, будто хотел заранее обезопасить и вытащить предводителя.

Вскоре послышался шорох и Прозор вышел обратно.

Добромил охнул. Борко и Милован, ничего не понимая, хлопали глазами. А Любомыслу только и осталось, что развести руками. Да и как тут не удивиться? Один конец веревки держит Милован, второй привязан к поясу богатыря. И оба они висят над дорогой и идут рядом друг с другом. Внатяг.

Прозор, щурясь – к переходу от туманного полумрака к яркому солнечному свету надо привыкнуть – недоуменно смотрел на спутников. Но что произошло, сообразил быстро.

– Эко диво! Я ведь все время прямо шел... – Голос звучал растеряно. – Никуда не сворачивал. Как же так получилось?..

– А вот так, – вздохнул Любомысл. – Вот он каков, Радужный Путь! Я говорил... Что видел?

– Поначалу ничего. Хоть во тьме и гораздо вижу, но в этом тумане и носа своего не разглядеть. Через несколько шагов пообвык. Дорога просвечивать стала. По ней и шел. Не сворачивал. Вот... назад вышел.

– Вот это да! – выдохнул Добромил. – Чудеса за чудесами! Как же это выходит то?

Княжич потрогал висящую веревку. Она дрогнула. Натянута. Сильно. Один конец уходит в густой – хоть ложкой черпай – туман, другой выходит. На чем держится – непонятно.

Прозор прикинул, сколько осталось в мотке. Ушло больше половины. Навскидку – пятьдесят саженьей.

Предводитель задумчиво почесал затылок и недоуменно улыбнулся: – Вот что, Милован. Я сейчас дерну свою половину. Может, она за что-то там зацепилась? Просто на чем-то висит? А ты держи покрепче, да и сам упрись: дерну сильно. Посмотрим...

Милован приготовился, расставил ноги, уперся покрепче и перехватил конец обеими руками.

Прозор резко потянул. Но тут своих сил не рассчитал, или – скорее всего – не ожидал, что так получится. Думал, что веревка и вправду на чем-то висит.

Милован, уж на что крепко стоял, но тут не удержался. Чуть не влетел со всего маху в туман! Пробежал несколько шагов и еле устоял на ногах. Будто веревку жеребец дернул, а не человек! Силушки у Прозора – немеряно!

– Тише ты, Прозор! Уволочешь!

И к Миловану, словно оживши, потянулись туманные языки. Заиграли радужными сполохами, будто приветствовали парня.

– Вот что, ребята, – сказал Любомысл. – Стойте покамест смирно, да веревку как держите, так и держите. А я по ней схожу. Посмотрю – что и как. Ясно, что не за что она там не зацепилась. Но может просто, наврде как вокруг столба, окрутилась? Хотя, как? Ты ж говоришь, прямо шел.

– Я с тобой. – И Борко тоже захотелось посмотреть, как заиграет красками туман и что внутри него. Тоже в Радужный Путь пойду.

– А я? – спросил Добромил и осекся. Для этого стоило лишь посмотреть на Прозора. Взгляд венда говорил – не пустит! Умрет, но не пустит. Княжич легонько вздохнул. Он-то чувствовал, что в этом тумане ничего плохого его не ждет. Там не преддверие пекла.

Любомысл распорядился.

– Идем, Борко. Только не торопись. Сторожко. Да за нож там не хватайся, и меч не трогай. Думаю, оружие в нем без надобности. Все равно скоро обратно выйдем. – Любомысл безнадежно махнул рукой.

Старик и парень скрылись в тумане. Любомысл неторопливо перебирал щетинистую веревку. Борко шел сзади. Венды поражились: как и говорил Прозор, поначалу своего носа не увидишь. Ставили ноги на ощупь. Не хотелось ковырнуть землю подбородком.

Скоро присмотрелись. Чем дальше заходили, тем отчетливей проявлялись камни под ногами. Но в этом диковинном месте их окружала странная глухая тишина. Казалось, туман гасит любой шорох. Будто вага.

Шли недолго. Любомысл резко остановился.

– Мд-а-а... – протянул старик. – Смотри...

Голос его звучал странно. Глухо, будто из-под воды.

Борко выпучил глаза. Перед ним – обрываясь прямо в воздухе, будто ровнехонько обретенные – висели два конца веревки.

– Это как, Любомысл? Кто ее перерезал? На чем висит?

– Не больше твоего знаю. Дальше идем. Только вот что. Я наш конец чем-нибудь обозначу.

Недолго думая, старый мореход отстегнул от пояса тощий кошель и прицепил его на веревку. Потерять его и обеднеть он не боялся. Все серебро он уже давно по укромным местам распахал. Не к чему все держать в одном месте, раз оно таким замечательным оружием против нежити оказалось. Пусть под рукой будет: в поясных кармашках, в складках одежды, за широкими кожаными наручьями.

Кошель сиротливо повис на веревке. Любомысл перевел дух. Страшновато шагнуть дальше. Вдруг и его разрежет пополам. Хотя, Прозор же целым вернулся. Старик опасливо сунул вперед руку. Медленно коснулся невидимой преграды пальцем. Ничего страшного не произошло. За исключением того, что палец вошел и наполовину исчез.

Любомысл пошевелил им. Вроде шевелится. Вслед за пальцем медленно сунул руку. Ничего неприятного не ощутил. Просто непривычно видеть, что рука пошла незнамо куда, чувствовать ее и сжимать пальцы. Он обернулся к Борко, который раскрыв рот глядел на эдакие чудеса, и твердо сказал: – Стой тут. Держи руку около кошель. Дальше один пойду.

Старик сделал глубокий вдох и решительно шагнул вперед. Шагнуть-то он шагнул, и руку от веревки не оторвал – пропускал жесткую щетину меж пальцев, – да вот вдруг обнаружил, что Борко стоит рядом, но уже с другой стороны, зверовато смотрит на него и теребит рукой кошель.

– Ну что? Понял?

– Не-а... Ты вошел туда будто в воду. Ну-у-у... – парень замялся, не зная как лучше объяснить, – исчез не сразу. А как скрылся, то сразу же вышел.

– Ясно. Коль хошь, то можешь глянуть, что там.

Любомысл отодвинулся подальше. С любопытством посмотрев, как исчез и появился Борко, выругался. Про себя дурные слова говорил – чтобы большей беды не накликать Помянул владыку пекла – Чернобога. Не обошел и его темных слуг.

Борко пожимал плечами. Над округлившимися изумленными глазами торчали круглые брови. Трудно все это осознать молодому дружиннику. Чудес в своей жизни он видел не так уж и много. Любомысл отцепил кошель.

– Пошли.

– Куда?

– Куда-куда! Обратно, к нашим. Сейчас опять на то же место вернемся. Этот туман словно зеркало. Только мягкое. Внутри себя все отражает. А как – непонятно. Интересно, то, что мы тут говорим снаружи слышно? Надо спросить.

Борко и Любомысл вышли из тумана. Старый мореход выглядел мрачно. Этот пусть Борко пока глазами хлопает и другу Миловану расписывает, что там внутри. Скоро поймет, что случилось. А случилось вот что – они оказались в ловушке. В свой мир, в родной лес, путь им пока закрыт. А надолго ли – то неведомо.

– Все, Прозор, – подытожил Любомысл. Нам отсюда не выбраться. Внутри себя Радужный Путь отражает все, что в него попадет. Хорошо, хоть не выкидывает, как твои булыжники.

Венды сделали еще несколько попыток преодолеть диковинную преграду. Все тщетно. Милован, он даже бегом припустил в туман, и так же бегом выбежал обратно. Единственное, так это заметили, что Радужный Путь глушил все звуки. И шаги, и голоса, и даже разбойничий посвист Прозора. Дорога домой оказалась заколдована.

Борко вытащил меч.

– Может его порубить?

Любомысл хмыкнул, переглянулся с Прозором, но ничего не сказал. Пусть пробует, коли не лень. Учить не будут, увальни не малые дети, пусть сами мир познают. Скорей всего, молодой дружинник не первый, кто силой пытался сквозь Радужный Путь пробиться. Если б это помогало, то уже давно по всем портовым тавернам слух бы ходил: мол, оружия диковинный туман не любит, расступается и без помех пускает туда и обратно.

Борко несмело махнул мечом раз, другой. Сам понимал, что глупость делает. Но, а вдруг? Клубы тумана лишь переливались радугой и будто играли с парнем. То втянутся, то вновь выступят. Туманные языки, казалось, дразнили дружинника. Борко вошел в раж. Махая мечом так, будто прорывался через ряд невидимых противников, скрылся в тумане. Гул рассекаемого мечом воздуха смолк.

– Далеко не забегай! Заблудишься! – неспешно сматывая веревку шутил Прозор. – Впрочем, не забежит. Скоро тут будет.

– Думаешь? – спросил Любомысл.

– Уверен.

И верно, вскоре из тумана показался блестящий кончик меча, за ним весь клинок целиком, а вслед и сам Борко.

– Остынь, друг. – Прозор отвязал с седла гнедого остатний конец веревки и протянул моток Любомыслу. – Спасибо. А вы, – он повернулся к парням, больше глупостей не делайте. Да не вздумайте из лука бить! Видели, что с камнями творится? А если стрела не вернется? Где ее искать? Стрел не напасешься. Их беречь надо: взять негде, а пока изготовишь, так время уйдет. Будем ждать, может туман разойдется.

– А вдруг лошади пройдут? – негромко спросил Добромил. – Как думаете? Сюда ведь на лошадях въехали.

Прозор с сомнением покачал головой, перекинулся взглядом с Любомыслом. Старик пожал плечами: вряд ли... Куда не кинь, все клин выходит. Но попробовать стоит. Любой способ хорош. А выбираться из этой неведомой земли надо.

Предводитель вскочил на своего жеребца. Тронул повод и направил коня в туман. Богатырь позволил ему самому выбирать путь. Иной раз зверь лучше человека чувствует как надо.

Гнедой неспешно вошел во мглу. И, как этого и следовало ожидать, вскоре вышел обратно. Все без толку. Радужный Путь неизменно выводил вспять.

– А если не по дороге ехать? – сказал Милован. – Сбоку попробовать?

Прозор помотал головой.

– Не стоит. Никто не заметил такой штуки – когда за княжичем скакали и путь между нашим лесом и этой землей был чист, мне показалось, что дорога будто над пропастью идет? Будто в воздухе висит! Если так, то запросто вниз ухнем. Одни мокрые пятна останутся.

– Не показалось, – мрачно подтвердил Борко. – Было такое. Там в одном месте будто в самом деле пропасть видна. Думал, почудилось. Выходит, что нет.

– Ладно, – махнул рукой Прозор. – Отдыхаем и ждем...

Он соскочил с коня и тяжело опустился на траву. Надо обдумать, что же все-таки случилось? Что делать дальше?

Прозор размышлял, случайность ли все то, что произошло с ними за прошедшую ночь и часть утра, или это чей-то злой промысел?

В начале ночи, на привале у Древней Башни, сразу же погибла большая часть отряда. Ночью, тех кто остался жив, осаждала нежить. Кое-как с ней совладали и выбрались из западни, в которую сами себя загнали.

Богатыря мало что могло напугать. Таким уж уродился. Прошедшей ночью он хладнокровно бил водяного упыря серебряными стрелами. Он не содрогнулся, увидев, что чудище – то ли змей, то ли исполинская многоножка – кольцами обвила башню и бесшумно кланцала над их головами длинными зубами. Впрочем, та тварь всего лишь призрак. Как и тот огромный скелет, обряженный в длинную хламиду. Тот, что навис над проклятым болотом, листал большую потрепанную книгу и беззвучно хохотал над ней. Но ведь сразу-то не разберешь... А вот те мертвые девы, что обрушили на остаток отряда град валунов, хоть и казались немощной нежитью, но били по настоящему. Ничего, и с ними совладали.

Все-таки вырвались из Древней Башни. За подмогой к волхву Хранибору поехали. И добрались бы, коль не занесло бы их невесть куда! А почему они в этот неведомый мир попали?

«Витольд! – пронзила догадка. – Это все он, проклятый ярл! Он нас сюда направил! Как бы невзначай рассказал о том, что есть в нашем лесу заброшенная Древняя Дорога. И по ней можно быстро добраться до Виннеты. Мол, он по ней ходил... Ах, как же я сразу не догадался, что это он нас так в ловушку заманил! Вывел на путь, что привел нас сюда – в неведомую землю!...»

Сейчас бесстрашного вендского охотника пугала неизвестность. Неведомая сторона, куда их так внезапно занесло, вовсе не похожа на привычный, милый сердцу лес.

Это у себя дома он обостренным слухом улавливал тайну в пении птиц и реве дикого зверя. Увидя потревоженную ветвь, поникшую травинку, он ведал в этом глубоко скрытый смысл. В своем лесу он ничего не боялся. А тут...

Тут растут другие деревья. Повсюду виднеются нагромождения камней. Они будто изрублены огромным топором, обкромсаны. Диковинные камни такого же странного лилового цвета как и далекие, с ровно срезанными вершинами скалы. Не слышно пения птиц, острый нюх не выдает присутствия зверя. Тут нет хозяев. Эта земля мертва.

Дружинник почувствовал под ладонью что-то липкое и поднял руку. Всю кожу будто изрезали острой бритвой. Она кровоточила. Трава оказалась не только жесткая, но и с острыми краями, как хорошо отточенный нож. Недаром кони принюхивались к ней и фыркали. Они сомневались. Драли ее осторожно, боялись поранить губы.

Прозор, уже не касаясь руками коварного покрова, поднялся, стряхнул на землю капельки крови и показал ладонь.

– Стерегитесь травы, други. Она здесь кусачая.

Венды молчали. Неведомая сторона со своим неведомым нравом. И в ней придется какое-то время побыть. Хорошо, если недолго. Ясно, что обратного пути пока нет. И когда он явится, и явится ли вообще – неведомо. Надо оберегаться.

Борко и Милован переглянулись и дружно вздохнули. Да-а... Попали из огня да в полымя. Не думали, не гадали, что страшная ночь такой утренней отрыжкой их одарит. Хотя, молодцы не очень-то унывали. Молодость – она молодость. Невзгоды быстро забываются. Руки-ноги на месте. Головы соображают. Оружие, вот оно – всегда под рукой. С малолетства им владеть обучены. Есть чем от ведомой напасти обороняться. Еда? А вот они, луки. За спинами висят. Лук, он не только для боя пригоден, для охоты он первое дело. В чересседельных сумах рыбацкая да охотничья снасть лежит. Так что еду добудут, не пропадут.

Старик же Любомысл хмурил и без того изрезанный морщинами лоб. Он о чем-то усилено размышлял.

Лишь Добромил не предался унынию. Княжич, приговаривая какие-то ласковые слова, гладил Дичко по шее. Жеребец тихонечко похрапывал и тянул к лицу мальчика умную морду, косил темными глазами. Тоже разговаривал.

Прозор подошел ближе. Вслушался, о чем беседуют мальчик и конь.

– Что ж на тебя нашло, Дичко? – негромко, почти шепотом говорил княжич. – Зачем ты это сделал? Зачем ты нас сюда заманил? Ведь ты же не нарочно, верно? Увидим ли мы еще свой лес?

– Увидим! – твердо сказал Прозор. – Ты, княжич, брось кручине предаваться.

– Да я так, Прозор. Просто что-то нашло... – смущенно отозвался Добромил. – Как на Дичко. Помнишь, он с утра себя чудно вел, норов высказывал? А ведь он не такой, я это знаю. Он спокойный, хороший...

Мальчик осекся. Разглаживая гриву, он увидел нечто необычное – черный волос. А ведь Дичко конь белоснежный. Княжеский! На нем нет ни единого черного пятнышка. Такие жеребцы у князей или больших воевод. На белом коне в бою сподручней. Войско видит, где предводитель. Еще князья алые плащи носят и золоченые шлемы. Тоже хорошо видно. Если небо не хмуро, то солнышко играет золотыми искрами на шлеме, знак подает – жив князь, он тут, рядом. Но белый конь приметней. Воинам сподручней бить врага, если они знают, что воевода среди них.

А если сзади князь, с холма или пригорка боем руководит, то все одно дружинники видят, какие сигналы он войску подает.

Добромил осторожно и неторопливо раздвинул жестковатую гриву вокруг черного волоса. Он не только цветом отличался. Волос и на ощупь был склизкий, отблескивающий странной зеленью.

– Что увидел, княжич? – От Прозора не ускользнуло, как внезапно смолк Добромил. Что он нашел?

Вендский охотник и сам собирался дотошно осмотреть Дичко. Не дело, когда конь ни с того ни с сего взбрыкивает. Вон, чем кончилось.

Добромил молча указал на черный волос.

– Видишь? Его не должно быть. Я Дичко еще жеребенком осматривал, мне интересно было – есть ли на нем хоть единое темное пятнышко. Все глаза тогда проглядел, а ничего не нашел. Я за ним хорошо ухаживаю. Думал, пока у тумана ждем, гриву расчесать и пыль со шкуры вычистить. А тут смотрю – в гриве этот волос. Необычный, длинней остальных. Вот, глянь! В пальцах скользит и будто бы шевелится. Потрогай.

Прозор пригляделся. В самом деле – вид у этого диковинного длинного волоса необычный. Кажется склизким и мокрым.

– А ну-ка! – Богатырь с силой сжал пальцы.

* * *

...Средь княжеских дружинников и жителей Виннеты про силу рук Прозора ходило много самых невероятных рассказов, в большинстве своем нелепых выдумок. Но тем не менее кисти его рук, хоть и не столь крупные как у викингов, что денно и ночью могли грести тяжелыми веслами, были такими же сильными.

Говорили, что как-то в корчме, стоящей неподалеку от места прихода иноземных кораблей, пировала шумная толпа наемных воинов. Иные купцы без наемников на своем судне в море и не высунутся. Лучше им заплатить, чем всего лишиться. Хотя, против викингов наемники ненадежная защита. Вестфолдинг запросто совладеет с двумя, а то и тремя чужеземными воинами, сколь сильными и ловкими они бы ни были. Удел викинга с рождения – это война. Что не заложено в детстве, то трудно потом не наверстать.

Наемники пировали, и в этой же корчме, в темном углу, сидели Прозор и несколько его друзей, тоже княжеских дружинников. Зашли они туда просто так: людей чужеземных поглядеть, да рассказы занятные послушать. Греха в этом нет: когда воины князя Молнезара не на службе, то вольны делать что захотят.

Наемники сидели в корчме с утра, дожидались, когда отойдет их корабль. Поэтому хмельного выпили немало. Что-то они там не поделили и затеяли меж собой свару. Дело доходило до драки. В полумраке корчмы засверкали клинки. А биться в самой Виннете строжайше запрещалось. Если кому вздумается обнажить оружие да проучить обидчика, то препона нет: идите за крепостные стены и режьте друг друга сколь сил хватит. Наемники это знали, видимо в Виннете бывали и раньше. Злобной толпой они вывалили из корчмы, благо крепостные ворота рядом – рукой подать.

На платить за выпитое и съеденное они не собирались. Еще неизвестно, кто жив останется! Может сейчас он хмельной ногой пойдет к праотцам и сдуру перед этим заплатит. О том, что в Нижнем Мире деньги не нужны, никто из них не подумал: хмель сделал свое дело.

Но корчмарь считал иначе. Торговать себе в убыток никто не станет. Он бросился за наемниками и схватил одного из головорезов за плаш.

«Учтивые мореходы! Расплатитесь за еду и выпитое вино! Таков порядок!..»

Один из наемников, видимо входя в раж от предвкушения будущей потасовки, с размаху опустил кулак на голову корчмаря и тут же – хитрым ударом – свалил детину, что следил за порядком при корчме. Хозяин устоял, а слуга – здоровенный парень – рухнул без чувств.

Попутно, не задумываясь, наемник пихнул в живот помощницу-дочь. Она, видя, что затевается неладное, выскочила вслед за отцом на улицу. Девчонка отлетела и, прижимая руки к животу, осела у стены.

Бросив под ноги корчмарю большой медяк – на него можно было купить лишь кувшин пива – довольный шуткой наемник густо захохотал и припустил за товарищами. И вдруг остановился, будто на стену налетел. Перед ним, недобро ухмыляясь, стоял Прозор.

Каким образом он успел соскочить со скамьи в темном углу и вмиг очутиться на улице, осталось загадкой даже для сидевших рядом дружинников.

– Извинись, иноземец... – негромко, но веско – голосом от которого любого пробрала бы дрожь – сказал Прозор. – Извинись перед корчмарем и расплатись в полную цену.

Венд глянул на лежащего стража корчмы. Парень плох. В беспамятстве, изо рта стекает тонкая струйка крови. Дышит хрипло и тяжело. Наемник проломил ему грудь и повредил нутро. Не скоро силу вновь наберет.

– Еще добавишь мóлодцу на лечение. – Взглянув на сидящую у стены девчонку, Прозор зловеще прибавил: – А за обиду, что учинил девушке, ответишь особо. Без платы.

Прозор был обряжен в простую повседневную одежду. Ни к чему лишний раз трепать дружинный наряд. Не на службе. Ни меча, ни брони...

Наемник оглянулся на товарищей и хмыкнул. Стоящий перед ним венд высок и в плечах шире. Но это ничего не значит. Ему не привыкать резать и не таких богатырей. Не в первый и не в десятый раз. Венд стоит спокойно, нож так и висит у пояса. Он его и вытащить не успеет.

Чужеземец выдернул из-за спины хитро изогнутый небольшой нож. Крутанул его меж пальцев и перебросил в другую руку. Затем обратно. Играл им, чтобы противник не понял с какой стороны прилетит удар.

– Ты хочешь биться, венд? Я готов!

На улице Прозор драться не собирался. Не к лицу княжескому дружиннику, хоть и обряженному в простую одёжу, затевать потасовки в корчмах. Не к лицу идти против правды-закона. Он призван его беречь.

– В городе биться на мечах и иным оружием нельзя. И ты это знаешь. Вас предупредили. Расплатись, а потом мы с тобой сойдемся... За воротами. Или тут – только брось нож.

Но наемник не слушал. Хмель и ярость затмили ему разум. Он с немыслимой ловкостью вертел нож между пальцев, описывал им хитрые круги. Не впервой ему убивать ставших на пути глупцов.

Чужестранец видел, что перед ним венд, но не придал этому значения. Может, не знал, что даже невооруженный венд-охотник устоит против меча или копья. Ведь лесные звери проворнее чем люди.

Безоружному бою венды обучаются с детства. Скорее всего наемник об этом слышал и поэтому повел себя осторожней. Глаза его вдруг стали трезвыми и холодными. Прозор понял – наемник не так пьян, как кажется. Сейчас бросится.

Наемные воины – не простые воины. Убивать – не привыкать. Потому и выживают в бою. И в тяжелом – на мечах, на палубе корабля, и в легком – в пьяных потасовках. Убивают каждый по своему, кто как приучен. Этот наемник сроднился с ножом. Но вот незадача: перед ним стоял Прозор – сильный как бер и проворный как кунь.

Распаяля противника, наемник недобрым словом помянул воинского бога – Перуна. Знал, что обида затмит венду разум и он сразу же сделает ошибку – бросится, забыв об осторожности. Не впервой ему поносить чужих богов. Знал, как надо...

Угадал. Прозор напал первым. Только зря он сказал такое! Богов оскорблять негоже!

Отнимать нож у наемника Прозор не стал. Стремительно-неуловимым движением сломав локоть противника присел и снизу ударил ногой в подбрюшье – туда, куда наемник бил

девчонку – и сразу же выше. Два удара слились в один. Раздался глухой чавкающий звук. Это, пронзая нутро, ломались ребра.

С незадачливым головорезом венд покончил в один миг.

Прозор поднял нож наемника и, положив его на указательный и средний палец, слепил оберег – кукиш. Надавил на лезвие большим. Раздался звон – это упали на камни две половинки клинка.

– Забирайте своего друга, – буркнул Прозор. – Только сначала расплатитесь. Негоже в Виннете оружием махать...

Присмирившие чужестранцы, еще не понимая что случилось, но видя, что их товарищ лежит мертвой грудой, отсчитали положенное и быстро убрались на свой корабль. О расправе они забыли – биться за ворота не пошли.

Они не знали, что можно без оружия – вот так быстро, за мгновение – до полусмерти изувечить человека и легко сломать каленый клинок тремя пальцами. Сломать – будто сухую веточку. До самого отплытия своего корабля наемники в Виннете не показывались.

Такие вот рассказы ходили про силу рук Прозора. Когда Добромил спросил его об этом случае, то Прозор, улыбаясь, достал из кошельа большой медяк и, так же как и тогда, положив деньгу на пальцы, неторопливо слепил кукиш. Медяк круто выгнулся, но не треснул. Медь, она мягкая.

– Нож у наемника был хитрый, но... В общем – хлам. Перекалён. Твой клинок ломать не стану. Не получится. Ты уж извини, Добромил...

ГЛАВА 3. Что это за Мир?

Вот и сейчас, Прозор раздвинув гриву протянул руку к черному волосу, зацепил его у корня жесткими пальцами и с силой сжал их. Думал вырвать.

Волос вдруг изогнулся и обвился вокруг его запястья. Послышалось тихое шипенье и схожий с комариным зуденьем писк.

Прозор, не обращая на это никакого внимания – будто каждый день выщипывал из грив живые пищащие волоса – бросил диковину на середину дороги. Там нет травы и можно лучше разглядеть, что за погань прицепилась к жеребцу.

– Иди сюда, Любомысл! Вы, парни, тоже гляньте! Что за диковина на шее Дичко сидела? Никто не знает?

Любомысл присел над волосом. Тот вился кольцами и тихонько пищал. Молодцы вовсю глазели на прыгающую по камням невидаль, но рук к ней не тянули. Вдруг эта гадость кусача да ядовита.

– Конский волос? – бормотал старик. – Тот что в воде живет? Который в человека может заползти и нутро грызть? Нет, у того цвет другой. Он серый и не блестит. И покороче будет, и на суше не живет. А это... Нет, не знаю что за дрянь.

– И я не знаю! – отчего-то резко огрызнулся Прозор. – Тоже поначалу думал – эта тварь из болота. Нет. Этот толще и блеск чешуйчатый.

– Чешуйчатый? – задумчиво сказал Любомысл. – Щас глянем.

Старик полез в висевшую на плече суму и споро вытащил из нее толстое выпуклое стекло. Таким пользуются мастера, что с золотом и самоцветами дело имеют. Оно сразу камень увеличит и изъян – если есть – покажет. Для удобства стекло Любомысла было оправлено в медное кольцо с приделанной сбоку резной деревянной рукоятью.

Волос все извивался и скакал по камням. Так ничего не разглядишь, сколько не увеличивай это чудо. Старик обернулся к парням.

– Ну-ка, молодцы! Хватит в затылок дышать и за меня прятаться. Помогайте.

– Тебе чего? – торопливо отозвался Борко. – Чего сделать-то?

– Стрелу дай. С тупым наконечником. Охотничью. Ту чем мелкую птицу бьют.

С нескольких попыток Любомысл смог прижать волос к камню. Метил так, чтоб прижатый оказался конец, на котором по его расчетам находится голова. Было нелегко – руки от волнения подрагивали. Не те годы...

Волос дергался, обвивал древко кольцами и еле слышно, тонко верещал. Любомысл поднес стеклянный кругляш ближе.

– Что там? – нетерпеливо спросил Прозор. – Что видишь?

Круглое выпуклое стекло, что могло гораздо увеличивать разные мелкие штучки, богатырь уже видел раньше: Любомысл показывал. А вот парни нет. Они до невозможности вытянули шеи, пытаясь заглянуть в стеклянную диковинку. Переглядывались, пихали друг друга локтями и уважительно смотрели в спину Любомыслу. Все-таки хорошо, что с ними такой мудрец.

– Любомысл, что это за штука у тебя в руках? – мятым голосом спросил Милован.

– Стекло, – отозвался старик.

А Добромил охотно пояснил: – Это, парни, такая штука, что увеличивает все, на что сквозь нее посмотришь. Я через это стекло на грязную воду глядел. Видел, что в ней всякие мелкие букашки живут.

– Эх, великий Род! – не удержался Борко. – Сколько всего он создал! Дашь глянуть, Любомысл?

– Дам. Потом. С этим сначала надо разобраться, а то ускачет.

Загораживая свет, склонился Прозор.

– Рассмотрел тварь?

– Сам смотри. – Любомысл протянул резную рукоять и отодвинулся. – У нее лапки есть. И пасть. И сам весь чешуйчатый. Не упомяну где, но я такое диво уже видел.

Прозор пригляделся и нахмурил брови. Любомыслу не показалось. И он тоже видел эту погань, и даже помнит где. У прижатого тонкого волоса видна мелкая чешуя, множество маленьких, как у сороконожки, лапок. Видны желтые глазки и пасть. Вдоль спины проходит мелкий зубчатый гребешок. Он еле различим. Перед вендом придавленный наконечником стрелы извивался старый знакомец: давешний призрачный змей, что выполз этой ночью из древнего болота. Змей – спутник нежити. Только ночью он был огромный – обвил крепостную башню кольцами, – и полупрозрачный, словно сотканный из сгустков тумана. Серебряные стрелы его не брали, летели сквозь призрачное тулово дальше. Он был как бы воздушным, неосязаемым. А тут червяк... Да, это та ночная тварь! Только мелкая и вполне осязаемая!

Прозор, сам того не замечая, потер руку: вокруг нее только что обвивался этот похожий на конский волос гад. Богатырь вспомнил, что с зубов призрачного змея на крышу башни капала густая слюна и камень шипел под ней.

– Тьфу, дрянь! – сплюнул Прозор. – Смотрите, молодцы. Сразу узнаете!

Дружинник протянул увеличительно стекло сгоравшим от любопытства парням.

– Ох... – простонал Борко. Ночные страхи; упырь, что вышел из воды и хотел его высосать; вся нежить, что он видел у Гнилой Топи, все это вдруг вспомнилось явственно и разом. – Ох... Змей! Как ночной! И на башке рога!..

– Ну, змей, – вставил Милован. – Только мелкий – перешибешь и не заметишь. Откуда взялся? Не из Гнилой ли Топи этот червь давешней ночью выполз? Не сродни ли он той нежити, что в болоте завелась? А ведь призрачного змея серебро-то не взяло! И как этого бить? Оставить, так ведь снова к кому-нибудь присосется. Теперь ясно, что Дичко не просто так сбесился! Ногой раздавить? Камнем стукнуть?

Прозор пожал плечами. Ясно – тварь нечистая. Иначе с чего бы ей на добром скакуне сидеть? Да еще прятаться в гриве? Не иначе, разум имеет.

Из висевшего за спиной тула предводитель не глядя выхватил стрелу. Одну из тех, что заготовили ночью против нежити. К ней, чуть ниже жала, примотана расплющенная серебряная пластина.

– А что гадать-то? Сейчас посмотрим! – Прозор протянул серебро к волосу.

Будто почуяв беду, придавленная тварь забилась, заплелась кольцами и, скручиваясь в немыслимые узлы, заверещала тонко, но пронзительно. Да так, что стоящие поодаль кони забеспокоились, запряли ушами, а кобыла Любомысла даже заржала.

– А-а-а... Не нравится! – сквозь зубы процедил Прозор и коснулся серебром черного волоса.

Раздалось шипенье, волос на глазах раздулся и стал толще того дровца, что его прижимало. И вдруг, хлопнув, лопнул.

На его месте осталось лишь несколько капель зеленоватой жидкости, которая на глазах испарилась.

– Фу! – Прозор сморщил нос. – Ну и вонь! Вот вам и ответ. Это нежить была. Видимо, ночью на жеребца перебралась. Да где ж такую мелочь-то уследишь? Откуда угодно броситься могла. Надо бы, други, и остальных коняшек оглядеть. Вдруг, на них тоже какая дрянь сидит?

Коней осмотрели быстро и с тщанием, не пропускали ни малейшей пяди. Уже знали, что искать и где. Но ни в гривах, ни в хвостах – там, где могла угнездиться тонкая черная

тварь, – ни в иных местах ничего подозрительного не нашли. Лишь Любомысл обнаружил на своей лошадке клеща.

Впрочем, такие кровососы и в родном лесу водятся. Выползают поздней весной, когда деревья уже полностью в листву одеты. Этот ранний, вон какой вялый. Видимо, от зимы еще не отошел. Не проснулся. Любомысл выбросил клеща подальше. Пусть живет. Это не нежить.

– Вот так. Все ясно. Хотя одного понять не могу, – размышлял Прозор, – как он на шею забрался? И место ведь выбрал. Что уж лучше, чем в гриве затаиться! Будто нарочно подсадил его кто. Ну, на то она и нежить. Она на выдумки горазда... А вы что скажете?

Парням – Борко да Миловану – этот тонкий волосок после ночных-то страхов не казался опасным. Ну нежить... Ну убил ее Прозор, как и положено – серебром. Никого ж не сожрала.

Хоть и видели парни, что волосок этот как две капли схож с давешним призрачным змеем, что башню обвил, но не прониклись. Не покажи стекло Любомысла лапки и пасть, так и не поняли бы что это. Змей-то, огромный. А тут... Тьфу!

Любомысл же высказал сомнение.

– Так-то оно так, Прозор, – вздохнул старик. – Верно ты все сказал. Я и задумался. А с Гнилой ли Топи Дичко этот волос-змея принес? Не просто так он в коня впился. Уж больно удачно он на его шее сидел. Вот из-за него и вел себя жеребец тревожно. Норов высказывал. И понес он Добромила сразу же, как только к туману подъехали. Помнишь? Только Радужный Путь со стороны нашего леса расступился и проход показал – он и вздыбился...

– Утром Дичко начал беспокоиться, – припомнил Добромил. – Ночью я ничего за ним не замечал. От зимовья отъехали, а он вдруг как задрожит! Но недолго. Дрожь сразу утихла. Я думал, мне показалось. Выходит, что нет. А потом он спотыкаться начал и на дыбы ни с того ни с сего вдруг встал. После зимовья все началось.

– Я думаю, нас нарочно сюда заманили! – вдруг бухнул Милован.

– Кто?! – вздернул бровь Любомысл.

– Зачем? – вторил Добромил.

– Не знаю. Думаю, и всё! Сами видите, как все сложилось! Ты ж только что сам все сказал, Любомысл!

«А ведь верно Милован говорит! Я даже знаю, кто это сделал! Но зачем?» – Прозор вдруг вспомнил, как утром, только они отъехали от зимовья, он почувствовал, что в спину будто раскаленный нож воткнули. Его аж в жар бросило от неожиданности. Никогда с ним такого не было! Обернулся, а у избы ярл Витольд им вслед смотрит. Злобно! Его взгляд спину жег!

«Недобрые дела творит этот ярл. Неупокоенного мертвеца, что медяки с глаз сбрасывает, скрывает. Колдун он, вот что! Вернемся домой, встречу его – сразу к праотцам отправлю! Потом оправдываться буду...»

Это Прозор еще не видел, что ночью ярл Витольд к жеребцу Добромила прокрался. Дичко от него отпрянул, но уйти не мог – привязан был. Знай богатырь, что викинг княжеского коня трогал, так сразу бы вестфолдингу голову снес! А том, что с колдуном простым мечом совладать тяжело, венд не подумал.

На душе у Прозора полегчало. Враг найден. Вслух же сказал: – Вот что, парни. Если со мной что случится, то твердо помните – паситесь ярла Витольда!

– Думаешь, он? – Любомысл сразу все понял.

Ответить Прозор не успел.

– Смотрите! – выдохнул Добромил. – Пёс!..

Не будь венды увлечены этой поганью – змеем-волосом, то давно бы почувствовали, что они не одни в этом диковинном мире. Повернулись спиной к туману, что Радужным

Путем именуют, и об осторожности забыли. Кто ж из тумана-то выйдет, если он даже камни выталкивает?

Пес стоял у края Радужного Пути давно. Смотрел, что делают люди.

Черно-желтые глаза прищурены. Он покачивал пушистым, загнутым в кольцо хвостом. Если бы не буро-серый окрас пса, то венды решили бы, что видят большого – да что там большого, огромного! – волка. Впрочем ушей на голове пса они не заметили. Из-за этого он чем-то походил на бера.

Из пасти зверя свисал длинный розовый язык. И, о диво! На ошейнике пса багровели крупные самоцветы! Значит, это не лесной зверь. Ведь украшают своих любимцев – коней и кошек – люди.

Никто из охотников даже и не думал тянуться к оружию. Чувствовали, зла от диковинного зверя не будет.

Пес пристально смотрел на дружинников, будто раздумывая, что делать дальше. Подойти поближе? Скрыться? Казалось, он вот-вот заговорит – настолько умны его глаза. Но говорить пес не стал. Развернулся и неторопливо потрусил в туман. Клубы заиграли радужным цветом, заискрились и скрыли в себе диковинного зверя.

– Уф-ф-ф... – Любомысл провел рукой по лбу. – Чудеса! Значит, верно говорят, что когда-то по земле ходили псы. А, други? Я почему-то и без слов Добромила понял, что это пес! Может, они живут в этом мире?

Кто знает? Добродил, Милован и Борко про то, что есть такие дивные звери – псы, услышали только этой ночью. Люди о них мало что знают. Но молодцы, как и старик, сразу поняли, кто перед ними стоит. Это пес – слуга и воин ушедшего бога Семаргла. А Добромилу он приходил этой ночью во сне и сказал, что они станут друзьями.

Княжич сделал несколько шагов к туману. И Радужный Путь при его приближении заиграл, запереливался яркими веселыми цветами. Приветствовал.

– Я попробую... – сказал Добродил, и не успели дружинники понять, что он хочет сделать, как княжич сделал шаг и скрылся в тумане.

Прозор в несколько прыжков очутился на месте, где только что стоял княжич, а чуть раньше пес.

– Вербку!..

Но Любомысл и молодцы даже пошевелиться не успели, как Добродил вышел назад. Все напрасно: диковинный туман, как и прежде, выводил обратно. Как в нем удалось исчезнуть псу – загадка.

Прозор качал головой и хмурил брови. Не хватало, чтобы княжич, которого они призваны оберегать от всех невзгод, сам лез в странные места. Хорошо – обошлось. Хотя, какое там обошлось. Ведь они по-прежнему тут – в этой незнакомой стороне, в этом диковинном мире. Добродил кусал губы. Кулаки сами собой сжимались. Он досадовал.

– Он нас за собой звал! – надрывно сказал княжич. – Я чувствовал – он хотел нас вывести.

Борко и Милован переглянулись и кивнули. Молодцы тоже чувствовали неведомый зов. И им показалось, что этот чудный зверь хочет помочь. Они собрались было войти в туман. Только что-то их остановило. Будто далекий голос молил их остаться. А потом наваждение сгнуло: зов пса исчез.

– Ладно, – сказал Прозор. – Может оно и так. Вон, молодцы с тобой соглашаются. Только ты, княжич, больше так не делай. Где это видано, ни слова не сказав, в туман бросаться? Будто кабанчик в кусты ринулся! Места незнакомые. Каждый шаг выверять надо. А если бы ты из тумана не в родной лес вышел! Или вернуться сюда не смог? Если б в ином мире оказался? Тогда что? Нет! Так не годится. Надо вместе держаться. Вон, слышал, что твой наставник говорил? О тех туманах, что в морях встречаются? Помнишь его слова?

Диковин на земле предостаточно! И не все они до добра доводят. Так что, княжич, прежде чем что-либо сделать подумай. Посоветуйся. Ум хорошо – два лучше. Ты же видел, как мы в Радужный Путь заходили? Осторожно. По веревке. А ты будто в омут сиганул! Ищи-свищи! Разве так делают? Нет! И про пса мы ничего не знаем. То, что смотрел он дружелюбно и чуть ли не улыбался нам – это одно. Даже я почувал – зла от него не жди. Но...

Прозор перевел дух. Переволновался. Слишком много говорит за раз. Надо короче и проще, он не Любомысл. Это старик может по полдня без передыху разглагольствовать.

– Но! У беров морды тоже дружелюбны. А попробуй-ка к ним без рогатины иль ножа подойти. Пожалеешь! Отныне, держаться вместе. Это и вас парни касается! – Предводитель сурово глянул на молодцев. – Любите, старших не спросись, самовольством заниматься! Даром, что княжеские дружинники. Вместе! Уяснили? Пока не выберемся. Что-то вещует – мы тут надолго.

Слушая длинную и назидательную речь, Любомысл кивал и едко ухмылялся. На молодцев искоса поглядывал. Прозор вроде и добродушен, и приветлив, и слабину иной раз может дать, но порядок быстро наведет: возьмет увальней в оборот. Все правильно говорит: старый мореход не понаслышке знал, сколько удалых молодцев по пустяку свои головушки сложили. Всё своевольничали, своим умом жили.

Поначалу молодцы слушали в пол-уха. Самоуверенность свойственна молодости. Пусть говорит – таких нравочений они выслушали предостаточно. Они дружинники и знают, что такое воинский порядок. Потом стали чувствовать себя неудобно. Прав Прозор – он ведь тоже в молодых воинах ходил. И его так же учили.

– Поняли, – коротко отозвался Милован. – Больше не повторяй. Мы уяснили. Понял, княжич?

Добромил густо зарделся и кивнул. Неудобно. Повел себя как маленький. Но ведь пес-то звал! Он это чувствовал!

Щурясь, Прозор взглянул на солнце. Уже высоко взошло. Время-то летит! Скоро полдень. Потом посмотрел на стоящую невдалеке скалу. Что в ней его смутило. Что же? Что не так?

Тень! Она не должна быть такой! Отбрасываемая скалой тень удлинилась. А ведь должно быть наоборот – к полудню тени укорачиваются и только потом с другой стороны в рост идут.

Прозор кивнул на изрезанный щелями утес.

– Ну-ка, парни! Гляньте! Да не на скалу. На тень, что отбрасывает. Она короче была. Время-то утреннее – удлиняться не должна. Или кажется?

– Ну да! – не скрывая озабоченности отозвался Любомысл. – И от деревьев тени удлиняются. Солнце садится! Не может быть!

Прозор воткнул меж дорожных камней нож. На краю отбрасываемой им тени положил тяжелый медяк.

Ждать пришлось недолго – вскоре тень напозла на край монеты.

– Вот так дела... – пробормотал Прозор. – Надо же... Час от часу не легче.

– Плохо дело? – спросил Милован.

– Не знаю... В нашем лесу утро. А тут... Сами видите – солнце к закату клонится.

– Что-то не пойму, – удивился Борко.

– Что тут непонятного? – досадливо отозвался Милован. – В этом мире бог Хорс по иному пути ходит. Тут будто изнанка мира. Солнце садится. Вечер сейчас. Когда нас сюда занесло, помнишь где солнце стояло?

Борко пожал плечами – конечно помнит. Он скакал – а солнце в затылок било. Еще рука саднила, больно было и в жар бросало. Он тогда подумал, что начини оно сильней при-

пекать – беда. Точно с коня свалится. Но обошлось – отпустило. Дружинник огляделся, лицо потемнело: понял, что не так.

Тени отбрасываемые деревьями, скалами, камнями... Все, все они удлиннились! Борко даже показалось, что начало темнеть и вот-вот наступит вечер. А за ним ночь и небо станет звездным.

– Ладно, ты хворый, – снисходительно бросил Милован. – Тебе не до этого.

– Ох, диво... еще одно, – только и мог вымолвить Добромир. – Что ж это за мир?

– Не знаю, княжич. Не слышал о таком чуде, – отозвался Любомысл. – Но ответу так. Мы сейчас по другую сторону Радужного Пути. А за ним все не так. В мирах, что за дивным туманом, многое меняется. Только это на ум идет.

Иного объяснения нет. Хоть Любомысл не только не бывал по иную сторону Радужного Пути, хоть и ни разу не видел дивный туман своими глазами, но слышал о тех чудесах, что творятся за ним.

Очевидные вещи там выглядят по иному. Один мореход, побывавший по другую сторону тумана, рассказывал, что в иномирье их корабль занесло в сумеречную пору. Ярко светила луна и они увидели впереди корабля небольшое туманное облачко.

Решили его не обходить. И верно – только туман скрыл паруса, как они вновь вышли на чистую воду. Светили звезды. Море было спокойно как и прежде. Но... Тут бывалых мореходов пробрал страх. На небе они не увидели луны! А ведь она только что заливала бледным светом море.

Кто-то сообразил: не иначе как их корабль прошел сквозь Радужный Путь, и они очутились в ином мире.

Видели бы мореходы это туманное облачко днем, то сразу бы сообразили – лезть в него не надо. Но ночью, при свете луны, дивный туман не играл радужными сполохами. Темно. Не увидели.

Корабль быстро развернули. Надо идти вспять. Хорошо, что отошли от тумана не слишком далеко. Вернулись и долго плавали около края. Мореходы знали, что он может обратно и не впустить. Надо ждать, когда откроется проход. Повезло. Они вернулись обратно, не застряли там надолго. Но по морям иного мира они не ходили и к берегу не приставали. Так что рассказать об иномирье этот моряк больше ничего не мог.

Не было бы веры этому рассказчику. Таких историй у любого моряка за пазухой сотни. Особенно в портовых тавернах, за кувшином-другим пива или иного хмельного, что горячит кровь и развязывает язык. Но называл он имена бывших тогда с ним. А некоторых тех моряков Любомысл знал, и внушали они ему доверие. Потом, при встрече, попросил он рассказать эту историю. И поведали мореходы, что правда это. Так оно было – не видели они за Радужным Путем ночного светила – ясной луны.

Значит, бывает такое диво. А может и солнце в иномириях по-иному светит? Может, бог Хорс огненную колесницу в тех мирах по-другому водит?

«А спрошу-ка я Прозора кой о чем. Что он о Землях Мрака, что тоже за туманом лежат, знает? Ведь говорил же он с дикарями, что там живут. Рассказ их вождя слышал...»

– Прозор, – не откладывая начал старик, – вы с князем Молнезаром и Велиславом с дикарями толковали. А ты слышал, что у них солнце не так светит? Мне как-то один мореход рассказывал о Землях Мрака. В них ведь легко попасть. Что с моря, что с суши. Сквозь туман пробрался – и там! Недолго. Вот и занесла его нелегкая. Мореход уверял меня, что там солнце иное. Не как у нас. Оно больше и греет жарче. Но идет так же – с восхода на закат.

– Слышал я бруктеров. Помню. Говорили это. Жаркое у них солнышко. Наши земли им непривычны, мерзли. Жизнь у них другая: звери, деревья. Но вот о том, как бог Хорс по небу в тех землях ходит, не знаю.

– Чудеса! – недоверчиво хмыкнул Борко. – Бог Хорс – он везде бог Хорс. Как же он иным может быть?

– А вот так, как ты сейчас видишь, – отозвался Любомысл. – Он отдыхать отправляется. Эту землю до конца осветит и уйдет. Вот что думаю: давайте потом всё обсудим. Рассуждения, и как это все дивно получается – потом. Сам не пойму. Голова кругом идет. Не вижу ответа. Вижу лишь одно – скоро вечер, а там и ночь. Мы в незнакомой стороне, без еды. Хорошо, что свежей воды вдосталь набрали да коней напоили. Траву, о которую Прозору руку изрезал, они глотать могут. Не нравится, но иной нет. Видите – хрумкают. Привыкнул. Значит, сыты будут. Надо думать, что мы есть будем. А, охотники? Что-то тут ни одна птаха пока не прошебетала, ни один зверек не прошуршал. Кой-какие запасы у нас есть. Но их мало. Думайте думать, как дальше жить.

Ну что ж, Любомысл прав. Чудеса чудесами, а жить надо. Неведомо, сколько они еще тут пробудут. Прозор уж представлял, что надо сделать в первую очередь. И не из таких передраг выбирались. Был бы лук надежный, да нож боевой – а там уж как-нибудь пропитанье разыщут. Не беда.

«Надо копыя наладить, – подумал охотник. – И большие – против матерого зверя, и легкие – сулицы. Неизвестно, кто тут живет. Мечом несподручно с крупным зверем биться...»

Любомысл не мешкал, уже распорядился. Старый мореход знал: самый ценный припас на корабле – это вода. Без нее не выжить. В морях и океанах воды много. Казалось, пей не хочу! Но это не так. Род сделал морскую воду особой. Океанская вода тяжелая. Она голубая и словно светится. Она соленая. Без воды человек гибнет скоро. Если начнет пить соленую, тоже погибает. Но перед этим боги лишают его рассудка. Надо разведать, где в этом мире есть вода. Неизвестно, что их ждет дальше.

– Милован, – велел старик. – Глянь, что в этом колодце. Хоть и не течет из него водичка как в нашем, но может не пуст? А мы, парни, смотрим припас.

Борко полез в наплечную суму, порылся в ней и извлек плотный сверток холстины.

– Вот. Тут у меня вяленое мясо и сало. Всегда при себе запас имею – мало ли что.

– Сало – это хорошо, – улыбнулся Прозор. – Зимой на шмате сала можно день в лесу продержаться. Только вот без доброй краюхи хлеба, оно того... сытноватненько выйдет. Хлеб есть?

Борко осторожно развернул холстину. С одной рукой на перевязи управляться тяжело. Рядом с изрядным куском розоватого сала лежал пяток крупных луковиц, несколько головок чеснока. В свертке нашелся и хлеб – половина черного сухаря.

– Вот, – Борко кивнул на сухарь. – Это все...

– Ладно, парень, не беда. У меня чуток муки есть. Испечем. Если не хлеба, то лепешек уж всегда сотворим, – кивнул Прозор. – Голодными не останемся.

– У меня тоже сухари есть. Соленые! – откликнулся Добромиль. – Для Дичко держу.

– Тоже хорошо, княжич! – Прозор заулыбался. – Ты их пока побереги, кони соленое любят. Им без сольцы тяжело.

– У меня тоже кое-что найдется, – хитро прищурился Любомысл. – Потом достану.

Милован вытащил из чересседельной сумы туго скатанное кожаное ведерко, отцепил от седла моток веревки и направился к колодцу, что находился с саженья пятидесяти от дороги.

В колодце, хоть он и выглядел заброшенным и пересохшим, вода была.

Молодец вытянул полное ведерко и прежде всего понюхал воду. Не затхлая ли, не несет ли от нее смертью от упавших и сгинувших в колодце зверьков и птиц. Вода казалась чистой и свежей.

Милован набрал немного воды в рот. Покатал ее в нем, пополоскал. Затем сглотнул.

На лице парня появилась широкая улыбка.

– Здорово! – крикнул он. – Ничем не хуже той, что мы из ручья набрали. Вкус такой же, будто лесом пахнет! Здорово!

Бережливо неся ведро – чтоб не расплескать драгоценную ношу – парень направился к друзьям. Пусть испробуют и порадуются.

Почувяв запах свежей воды, кони перестали щипать траву и подняли морды. После короткой но быстрой скачки им хотелось пить.

Ладно, вода есть. Отлично! А вот что делать с едой? Коням проще. Они – хоть местная трава и жесткая и кусачая – щиплют ее уже с охотой. Зерна нет, но сыты будут. А вот что люди будут есть?

Перед выездом из зимовья венды потрапезничали. Плотно и сытно. Но и времени немало прошло. Выезжали-то на заре, а сейчас, по расчетам Прозора, за той стороной тумана уже полдень. Надо думать о будущем.

Эту задачу Прозор решил просто. Вскочив на гнедого, предводитель подождал Милована и значительно сказал:

– Вы пока поите коней. Добромил, дай каждому по соленому сухарю. Милован остается за старшего. Советуйся с Любомыслом и Борко. Разбивайте лагерь. Думаю, – Прозор вытянул руку, показывая где, – станем во-он у той скалы. И от Радужного Пути недалеко и от воды близко. Скала нас с одной стороны прикроет, случись что. Я отъеду в ту дальнюю рожицу, гляну, что там из пропитания бегаёт и прыгает. Как лагерь наладите, коней стреножьте. Не хватало, чтоб разбежались. У скалы разведите костер. Соберите сушняк побольше, чтоб на ночь и утро хватило. Хотя, – венд с сомнением глянул на окружающие их нескладные деревья, – не думаю, что тут что либо хорошее можно сыскать. Ладно, видно будет. Не найдете сушняк, сырых нарубите. Ночь встретим во всеоружии.

Милован фыркнул. Несмотря на то, что его только что назначили старшим (правда под руководством Любомысла и помощника Борко), серьезности это ему не прибавило. Что он – что его друг Борко. Два сапога пара. Лишь бы зубоскалить.

– С ночью воевать собираешься, Прозор?

Сказал и осекся. Сам понял, что не то что-то ляпнул.

Прозор свесился с седла и смерил парня тяжелым взглядом. Хотел гаркнуть – будто приказ отдавал в бою – но передумал. Лишь укоризненно сказал:

– С ночью, и с теми кто в ней таится и темными тропами ходит. Любомысл, поясни еще раз, что мы не в своем лесу находимся. Втолкуй ребятам. Историю какую-нибудь вспомни. Пострашнее. Пусть поймут.

Дружинник чмокнул губами и поскакал к недалекой рожице. Он выбрал ее потому, что деревья росли в ней чаще, чем около Радужного Пути и вдоль Древней Дороги.

Может, дальше есть леса погуще, но пока Прозор заходить в них не собирался. Ни к чему. И в рожице должна обитать какая-никакая, но живность.

Когда Прозор скрылся из глаз, Милован спросил:

– Слушай, мудрый старик. А что это так Прозор серьезно про ночь говорил? Ты сам-то что думаешь? Глянь, места вроде спокойные. Тихо...

– У Древней Башни тоже сидели спокойно и уха неспешно варилась, – печально ответил Любомысл. – И там тоже тишь стояла. Только видишь, что из всего этого вышло. Если б на древнем болоте все хорошо было, то пол-отряда вмиг бы не полегло, и мы бы здесь не оказались. Не знаю, есть ли в этом мире нежить, но готовиться надо к худшему. И пусть нам помогут светлые боги. Разведем костер – малую жертву им принесем.

Старик сказал все эти слова серьезно. Знал жизнь. Серебро от нежити, огонь от диких зверей.

– Ладно. Поим коней, а потом едем собирать валежник. Костер первым нужен. Прозор прав.

Коней напоили чудной пахучей водой и каждый из них получил круто просоленный сухарь из рук Добромила. Княжич улыбался, глядя на своего Дичко. Неужели его жеребец снова здоров? Как это замечательно!

По пути к редколесью Борко спросил Любомысла:

– Поясни, почему Прозор решил лагерь в том месте разбить? Ведь куда он поехал – в том лесочке – не в пример удобней. Все-таки лес, а мы к нему привыкли.

Любомысл помолчал и чуток пожевал губами. Ну что ответишь парням, что всю жизнь прожили в лесу, свыклись с ним! Им-то лес родной дом, это так. Только вот вопрос – какой лес?

– Сам увидишь, почему он решил на чистом месте остановиться. Дай только до деревьев добраться. Вот слушайте! Носило меня по миру как перышко. Многие страны и земли видел. И богатые – благодатные, и бедные – где кроме колючек и песка ничего нет. И не в одной из этих земель не видел я, чтоб деревья так росли! Видите, какие чудные? Будто хмельной плотник-неумеха тесал их да обтесывал! Как ни попадя топор клал, а до ума дела не довел. Незнакомый это лес. Понимать это нужно. Прозор прав – лучше на ровном месте... Скала нас сзади прикроет. От нее туман хорошо виден. Вдруг откроется Радужный Путь? Тогда, не мешкая по коням, да вскачь! Быстрее из этого мира. Нечего нам тут делать. Прозор хорошее место выбрал. Все ясно?..

В редколесье нашлось немало валежника: целые завалы из сухого и толстого хвороста. Станным было то, что сушняк в этих нагромождениях оказался не изломанным, а прямым. Будто раньше тут росли нормальные, привычные и стройные деревья. А потом вдруг разом ладные ветки отпали, стволы погнулись, и на них выросло нечто непонятное и зловещее. Так что рубить сырую древесину не пришлось...

Скоро на лошадей навьючили восемь больших вязанок.

– Борко! Добро мил! Ведите коняшек к скале, там сушняк сбросьте и возвращайтесь. А мы с Любомыслом тут останемся, заготовим дров впрок, чтоб не на одну ночь, да не на один костер хватило, – распорядился Милован.

– А надо ли княжича от себя отпускать? – забеспокоился Любомысл.

– Ничего, старче! Скинут и обратно вернуться. Тут недалеко – полверсты, не больше. На виду и у нас, и у Прозора.

– И Дичко без меня не пойдет, – добавил княжич.

Эти доводы убедили Любомысла. Они с Милованом остались заготовливать дрова, а княжич и однорукий Борко повели коней к скале.

К тому времени, когда они вернулись, дров было наготовлено еще на пару дюжин вязанок. Любомысл и Милован закачивали очищать сушняк от последних сучков. Делали это для того, чтоб вязанки получились плотнее. Вышло еще пара дюжин – как раз на три ездки.

Вдруг Миловану бросилось в глаза необычное, но вроде знакомое растение. Он присматрелся, нагнулся и ковырнул ножом землю около небольшого кустика, что рос прямо в двух шагах от него.

– Ого! Ну-ка, гляньте!

– Что нашел? – Добро мил соскочил с Дичко и подбежал к дружиннику – Что-нить интересное?

– Да, княжич. – Милован неспешно обковыривал кустик. – Корешок один. Как-то такое же растение довелось на виннетском торгу видеть. Заморский купчина привез. И верхки у него были, и корешки. Чтоб видно – что это такое. Мол, в земле растет, а не невесть что. Купец уверял, что корешки вкусны и их даже сырыми едят, только почистить надо. Можно еще варить и в углях запекать, но уже нечищеными. Дорого за них просил! Ну, я не удержался и купил несколько корней. Не пожалел, понравилось. И сырые хороши, а печеные и того лучше. Вот сейчас увидел и узнал то заморское растение. Вот!

Милован отряхнул от продолговатого, округлого корешка землю и не мешкая, в несколько движений, ошкурил его. Обнажилась желтоватая плотная мякоть.

– Вот, пробуйте! – Парень разрубил корешок на четыре части, протянул друзьям и сразу же принялся жевать свой кусок.

Любомысл понюхал корень. Потом, отрезав небольшой кусочек, положил его в рот. Старик немного пожевал и его лицо просветлело.

– Молодец, Милован! Даже если мы ничего из живности не добудем, то на этих корнях сколь угодно долго продержимся! Мне их и раньше доводилось есть. – Старик захрумкал корнем и с набитым ртом продолжал: – Как-то шли в полуденных водах. И тут ветер стихает. Жара стоит! На небе не облачка! В общем, ждем ветра. К исходу второй недели у нас на корабле все съестное протухло. То, что силу и сытость давало. Солонина, вяленое мясо, копченая и даже сушеная рыба. Пришлось в море повыбрасывать, морским тварям на корм. Одна мука осталась и вот эти корешки. Ими наш капитан запасся. Он опытный мореход был, знал что в южных водах всякое случается. Вот он и закупил это диво в последнем порту. Сказал, что эти корешки ничто не портит и храниться они могут хоть год. Особенно, если их просушить. Потом, мол, остается только в воду бросить и сварить. Получается сытная похлебка. Вот на нашем корабле они сушеные и были. Варили мы их. Вкус отменный! Так все плаванье на них и прожили. И ничего, никто не ослаб и не заболел. И мы проживем!

– Да их тут целая поляна! – воскликнул Добромил. – А вон, за деревьями еще растут, и еще видны...

Добромил потянул за пушистый кустик и с усилием вытянул из земли корень.

– Не так! Не так, княжич! – заулыбался Любомысл. – Не дергай, толку от этого мало. Сначала обкопай вокруг, на глубину ножа, а потом дерни вместе с землей. Эти корни по одному не живут. В ямке еще несколько штук увидишь.

И верно. Времени уходило немного больше, зато каждый кустик давал три, а то и пять корешков.

Работа закипела. Корешки сразу сносили в одно место. Потом разберут и распихают в те несколько мешков, что нашлось у Любомысла. Чего только не было у запасливого старика в чересседельных суммах! Нашлись даже туго скатанные дерюжные мешки. Еще час назад старый мореход вряд ли смог бы внятно ответить – зачем он их возит. Сказывалась привычка – а вдруг пригодятся? И вот пригодились...

– Хоть огород разводи! – улыбался Борко, посильно справляясь с необычной работой. Парню со сломанной рукой приходилось нелегко.

– Огород не огород, – весело откликнулся Любомысл, – но теперь уже не все так уж и плохо. Выживем! И если что, то всегда на это место можно вернуться и корешков нарыть.

– Ну что? Пожалуй, довольно... – Милован вытер взмокший от непривычной работы лоб. Надо на разживу оставить. Нарыли прилично. Все равно с собой много не утащим. Верно?

– Верно, верно, – пропыхтел Любомысл и, кряхтя разогнулся. Добывать корни ножом, а не удобным заступом – сложно.

Сначала перевезли к скале неожиданный припас. Потом вернулись за хворостом. Можно начинать обустраиваться.

Милован вытер покрытый разводами пепла лоб и разогнулся. Парень развел костер.

– Ну, вот и все. Только дровишки подбрасывайте! Пойду коней стреножу. А ты, Любомысл, думай как трапезу готовить будем. Варить? Это камни в костре греть, да в ведро бросать. Котелков у нас нет. Долга. А если...

– А зачем варить? – не дослушал старик. – Сам же сказал, что эти корни печь можно. Вот и попробуем, испечем их. Как есть – нечищеными. Просто и быстро. Только подождать надо, пока зола наберется. Иначе сгорят. Можно и прожарить. Веточки кусочками унизать и

над костром держать. Только и смотри, чтоб в огонь не свалились. Эти корешки по любому хороши. Хоть так, хоть эдак.

– А как они называются? – спросил Добромил.

Княжич уже расседлал Дичко и стреножил его. Пусть пасется. Ему сегодня досталось, бедному.

Старик задумался. Точного названия этих корней на ум не шло. Кажется, в море их называли чудным словом бата. Да, так...

– Бата, княжич. Бата...

Вскоре вдалеке показался Прозор. Дружинник ехал не спеша. Видимо, охота удалась. Венды разглядели, что его гнедой увешан серыми тушками.

Подъехав к костру, предводитель удовлетворенно хмыкнул – увидел заготовленный валежник. Хватит надолго. Горка очищенных от земли корней ему тоже пришлось по нраву. На первое время хоть какая-никакая, но еда. С голоду не умрут.

– И я кое-что добыл.

Прозор соскочил с коня и отвязал от седла добычу. Пять тушек необычных зверьков, чем-то неуловимо схожих с обыкновенными зайцами. Длинные задние лапы, пушистый коротенький хвостик. Только вот уши и передние лапы у местных зайцев необычно коротки. И шерсть не серая, а светло-бурая, чем-то схожая с полинявшей пожухлой осенней травой.

Милован осторожно поднял одного зверька за задние лапки. Подивился.

– Это что ж за зверь такой? Вроде, с зайцем схож. Только вот уши да окрас иной. И передние лапы короткие. Как он вообще на таких скачет? Странный зверь.

– Они на задних скачут, – улыбнулся Прозор. – Быстро. Увидишь – развеселишься. Я к рощице подъехал и тут же их заметил. Траву щипали. Меня увидели – порскнули. Не знаю, отчего испугались. Видимо тут кто-то есть, раз зверье пуганое. Хотя, кто знает? По траве на четырех лапах ходили, а поскакали на задних. Прыжки длинные, медленные. Но бегом не догонишь. Только на лошади или стрелой. Испросил у них дозволения, извинился, что жизнь забираю, и взял. Пусть народятся снова. Нам хватит, а завтра еще добудем. Законы леса везде надо блюсти. Свежуйте. На вертеле пропечем. Зайцы – они везде зайцы. Эти кору глодали и травку пожевывали.

– Эх... – простонал Борко. – Пирогов бы с зайчатиной.

– И я б отведал! – облизнулся Милован. – Нет ничего слаще пирога с зайчиком, что сутки в снях пролежал и дух заимел!

– Ладно, парни! – улыбнулся Прозор. – Будут вам пироги с сутошными зайцами. Когда все закончится и выберемся отсюда, – нарочно для вас зверьков набью. Да и сам пирогов должных отведаю. Пир закатим.

– Что еще видел? – спросил Любомысл. – Опасности не учуял.

Прозор на миг помрачнел. Что сказать? Вроде бы нет, но...

– Не нравится мне эта земля, други. Что-то в ней непонятное. Нашему духу чуждое. Все время тревога у меня на душе. А я ведь мало чего боюсь, сами ведаете. Вот и думаю: отчего эта тревога? Серьезное что-то или просто так – дурь мне мнится? Ну да ладно, не будем этим озадачиваться. И так хлопот полно, без моих тревог. Надо еду сотворить. За трапезой и обсудим, как дальше жить.

Тем временем Милован ловко освежевал местных зайцев и нанизал их на длинный прут. Добромил вырубил высокие рогулины и воткнул их по бокам костра. Вскоре ноздри вендских дружинников взбудоражил запах жареного мяса.

Стемнело быстро. В родном лесу такая темень настает только глубокой осенью. Тогда день неуловимо, минуя вечер, обращается в ночь. Задул легкий ветерок. Вдали наконец-то зашумела листва до того безмолвных деревьев.

Из наплечных сум венды достали нехитрую посуду. Деревянные широкие плоски, вместительные чарки.

Из своей баклаги Прозор налил каждому крепкого хмельного напитка. Баклажку положил рядом. Кто захочет – потом выпьет. Но сейчас хмельное было налито для другого.

Прозор плеснул на землю хлебной водки – принес жертву духу этих мест, потом поднял чару и выплеснул остаток в костер.

– Пусть светлые боги помогут нам!

– Пусть! – вторили венды. Каждый последовал примеру Прозора и увлажнил крепкой водкой чужую землю.

Остатки вылили в костер. Бог Огня греет их в этой незнакомой земле. Он дает им тепло и пищу.

После этого наполнили чары колодезной водой и приступили к трапезе.

Зайцы оказались на вкус такими же, как и в родном лесу. А запеченные в золе корни были не только вкусны, но и неожиданно сытны. Ничем не хуже мяса.

К ночи решили одеться теплей. Вдруг холод одолеет? Венды накинули на себя плотные суконные рубахи, что обычно надевали под кольчуги и дружинные плащи. Брони решили пока не вздевать. Вечер тих, опасности вроде бы нет. От зверей и так отобьются. Да они и не подойдут к костру. Дикая звери огня боятся. Это только лошадям и кошкам он привычен.

Враги? Какие тут враги и есть ли они, то неизвестно. От нежити никакая кольчуга не защитит. Лучше серебро. А оно у каждого под рукой есть. Только выхвати.

Дружинники развалились вокруг костра. Сытость располагала к уюту и лени. Около скалы нашлась заросшая мхом полянка, и сейчас каждый из вендов соорудил себе по мягкому ложу. Делать что-либо не хотелось. Даже шевелиться лень.

Невдалеке паслись стреноженные кони. Далеко от костра умные животные не отходили. Наверно, как и люди, ощущали себя в этом мире всего лишь неожиданными гостями.

Туман от костра просматривался замечательно. Несмотря на то, что стемнело, и на чужом небе засверкали первые звезды, он светился странным синеватым светом, будто в нем горел небольшой огонь.

– Надо за ним смотреть, – сказал Прозор. – Вдруг меняться начнет? А может, и проход откроется? Тогда всё! Сразу на коней. И делаем так: на всякий случай обезопасимся – веревкой их сцепим. Так точно никто не заплутает. Если ничего не случится, то попробуем поутру вокруг него объехать. Может, там что откроется? Жаль, сегодня не успели.

– Интересно, – уже сонным голосом пролепетал Милован. – А вот этот пес, что из тумана выскочил, он откуда? Он в этой земле живет, или в другой? И как он вообще сквозь туман прошел?

– Я его у нас видел, – отозвался Добромил, – в нашем лесу.

– Когда? – удивился Прозор. – Почему мы не заметили?

– Я и сам не знаю, – пожал плечами княжич. – Это было, когда мы воду набирали из Древнего Колодца. Еще там, прежде чем к Радужному Пути подъехали. Не пойму, почему вы его не увидели. Думал, мне показалось. Пес тогда у сосны стоял. И гривна у него на шее так же сверкала. Он на нас смотрел. Молча стоял. А потом я сморгнул, а он исчез. Куда – не видел. Был и нет... Я пригляделся, а вместо него под сосной... большой муравейник

– Да-а... – подивившись, протянул Прозор. – Чудные дела творятся! Древние псы бога Семаргла в нашем лесу появились. Если, конечно, это не адский Гарм вестфолдингов.

– Нет, друг, – ответил Любомысл. – Этот пес точно не Гарм. Адский пес больше бера, он как тур. Он черный. И хвоста у него нет. Это я точно знаю. Сколь лет у вестфолдингов жил. Все слышал. Если бы это был Гарм, так он сразу бы нас разодрал. Он же у Хелль в подручных ходит. И еще я слышал, что он солнечного света избегает.

В разговор встрял Борко. Ему, в отличие от друга Милована, спать не хотелось.

– Ну это еще неизвестно, кто кого бы разодрал и не поморщился! На бера не раз ходили, а что на Гарм какой-то? Я бы попробовал с ним побиться!

Любомысл строго посмотрел на парня. Хотя в темноте тот не увидел, как блеснули глаза старого морехода. Спаси у парня до одури! Ишь чего удумал – с Гармом бой затеять! Ополоумел? Или не от большого ума сказал? Хотя это, в общем-то, одно и то же.

– Гляжу, про албаста ты скоро позабыл! – рыкнул Прозор. – Да про змея этого призрачного и многоногого. Который, оказывается умеет в черный волос оборачиваться, да к добрым жеребцам присасываться! Да о том, что в Гнилой Топи летало и верещало забыл! Да о призраке, что над древним болотом навис и трепаную книгу листал и хохотал! Ой, не зарывайся, отрок! С богами шутки плохи! С Гармом сразиться! Думай, что говоришь! Накликаешь на ночь!

– Да не хотел я этого говорить, – взмолился Борко, – само вылетело! Это ж я просто так ляпнул, чтоб беседу поддержать. Я и не думал ничего дурного сказать!

– И не надо ничего больше говорить, Борко, – сказал Любомысл. – Правильно Прозор молвил – не надо лезть в дела богов.

У Добромила смыкались глаза – сказывалась давешняя бессонная ночь в Древней Башне. Заметив это, Любомысл заботливо прикрыл княжича своим плащом.

– А как же ты, дядька? – сонно пролепетал мальчик.

– За меня не волнуйся, княжич, – ласково отозвался старик. – Я, в морях будучи, и не такое переживал. Привычен. А тут что? Ночь тепла, костерок вон угольками трещит да ко сну располагает. Спи княжич...

Добромил опустил веки. Скоро дыхание мальчика выровнялось и стало беззвучным. Он уснул.

– Как ночь делить будем? – шепотом, чтоб не потревожить сон маленького княжича, спросил Прозор. – Кому как лучше?

– Я сейчас спать не хочу, – отозвался Борко. – Я жизни радуюсь. Рука унялась. Будто греет ее кто-то, лечит. Я караулить начну.

– Я бы тебе помог, но... – Не договорив, Милован уснул

– Я не хочу, – откликнулся Любомысл. – Какой сейчас сон? Мы с Борко по очереди на туман глядеть будем, да ваш сон сберечь.

– Ладно, не хотите сейчас спать – не надо. – Прозор улегся поудобней. – Если что, то толкайте меня. А разбудите тогда, когда луна полнеба пройдет. Как раз ночь напополам поделим. Никому обидно не будет. А то скажите, что я вас нарочно под утро дозор нести заставляю.

Прозор уже собрался закрыть глаза. Но тут что-то его осенило. Богатырь даже подскочил. Задрав голову, он озирал черное, усеянное звездами небо. Видимо не увидев того что искал, богатырь встал и медленно начал водить головой, внимательно оглядывая небосвод. Вслед за ним подняли головы Любомысл и Борко.

– Что ты там высматриваешь, Прозор? – наконец не выдержал Любомысл. – Что ищешь?

Богатырь усмехнулся. Стыдно опытному мореходу не заметить эту странность. А ведь Любомысл о ней говорил, еще когда светло было.

«Да и сам хорош, – упрекнул себя Прозор, – не заговори о том, когда меня будить, так и внимания бы не обратил, что на небе луны нет.

– Эх, мореход! – с ехидцей сказал он. – Найди мне луну. Я уже нашел.

Любомысл охнул. Надо же – оплошал! В море ведь как? Там ночью путь по луне и звездам находят. А тут с этими передрыгами он на ночное небо даже не взглянул!

– Я вижу! – воскликнул Борко. – Во-он! Над тем скалами висит. Только не луна это вовсе, а новорожденный месяц. Еле виден, родимый! Вон, видите полосочку!

– Как же... – растерялся Любомысл. – Ведь вчера полнолуние было! А тут... Как это, Прозор?

– Эх, мореход! Не больше твоего понимаю! Вижу, что в этих землях солнце в обратную сторону по небосводу ходит. И у луны все перепутано: вместо полнолуния – новолуние. Не знаю, Любомысл. Не знаю... Все, я спать укладываюсь. Мне еще половину тутошней ночи глаз не смыкать.

Прозор лег и тут же богатырски захрапел. Любомысл толкнул его в бок. Мол, перевернись на бок, храпун! Прозор, что-то сонно пробурчав, перевернулся. Храп стих. Храпеть можно в родной избе или в княжеских хоромы. Там никто возражать не будет. Мужчине полагается храпеть – на то он и мужчина. Но только не в логове врага, и не на неведомой земле. Неизвестно, дружна эта сторона или враждебна. Неведомо, что тут по ночам гуляет. Хотя лошади никакого беспокойства не высказывали. Спокойно хрумкали жесткой травой...

– Уснули, – вполголоса сказал Любомысл, – ну и хорошо. Настрадались мы за эти сутки. Хороший нам отдых нужен. А я наверно всю ночь спать не буду.

– А чего так? – спросил Борко. – Укладывайся и ты. Я хорошо смотреть буду.

– Я знаю... – вздохнул старик. – Да разве уснешь после такого? Я просто лежать буду. А ты если почувешь, что ко сну клонит, дай мне знать.

– А у меня уже все как-то далеко, – сказал Борко. – Будто все это не с нами было... И Гнилая Топь, и то, что мы сейчас здесь... Как-то все притупилось – осознать не могу. Наверное, нехорошо это...

– Отчего же, – улыбнулся Любомысл. – Это хорошо, парень. Это твой разум отдыхает, не дает сердцу тревоги. Если снова беда придет, ты ее отдохнувшим встретишь. Это хорошо... У меня так не получится. Я стар уже. Молодым был, так все нипочем. Даже когда саратаны мою деревеньку уничтожили, я через несколько дней уже осознал, что горе притупилось. А ведь тогда все погибли...

– Саратаны... – задумчиво протянул Борко. – Давно их в Альтиде не видели. Откуда они приходят? Будем чудовищ по осени ждать. Если в Ледаву войдут, мы им покажем...

«Эх, хорошо быть молодым... – думал Любомысл. – Борко даже в голову не берет, что находится он непонятно где и главное – зачем? И как из этого непонятного выбраться, его не интересуется. Выйдет, и все! Это для него само собой разумеется! Иного и быть не может! Вот, уже об осени думает, как саратанов во всеоружии встретит. Я так рассуждать уже давно разучился. Жизнь пожевала...

– Про саратанов мало что ведомо, Борко. Ходят разные слухи и домыслы. Только вот веры им нет. Знаешь, все сходится на том, что саратаны обитают на полуночи, дальше самого крайнего острова Вестфолда. Там, за этими островами, есть скалистые утесы. Они круглый год покрыты льдом и снегом. Там всегда дует пронизывающий ветер. И глубоко в седом ледяном океане возле этих утесов находятся жилища саратанов. Там, под водой, они роюсь себе огромные норы. В них они спят глубоким беспробудным сном. Но это только зимой. Ночью. Ведь на полуночи ночь длится полгода. Но как только начинается день и первые лучи солнца падают в океан, то саратаны пробуждаются. Они выползают на утесы и греют на солнце свою холодную зеленую кровь. Потом, ожив, они соскальзывают в холодный океан и плывут на полдень. Там, в теплых морях, города. Там для чудовищ пожива. Сам знаешь – горе тем местам, куда придут саратаны. Горе невеликой деревеньке или большому каменному городу...

– Хорошо, что наша Виннета защищена.

– Да, Борко, хорошо. Для того и стоит эта крепость, чтоб сторожить Альтиду. И хорошо, что саратаны до нашего города ни разу не доходили. Страшно – когда они нападают...

Любомысл тяжело вздохнул и замолчал, вспомнив о своей уничтоженной деревеньке. Тогда тоже было полнолуние. Полнолуние... Что-то с ним связано. Только вот что?

Любомысл лежал и смотрел в звездное небо. Оно в этой земле тоже другое. Еле отыскал знакомые созвездия. Во-он они – яркие звезды. Стожары. А в альтидских землях их огненные цветки лежат в другом месте.

Старый мореход думал, отчего нарушилась спокойная размеренная жизнь? Почему? Он уже десять лет воспитывал княжича Добромилу, а казалось, пролетел один год. После стольких лет скитаний, он наконец-то обрел покой и родной дом. И вот он снова в незнакомой земле. Снова скитания. Правда, на этот раз с друзьями. Любомысл лежал, и на память ему приходили давние события. Старый мореход вспоминал...

ГЛАВА 4. Где повествуется о жизни морехода Любомысла

Давно это было... Ох, давно!

Любомысл стоял на палубе сидонского купеческого парусника и тревожно вглядывался вдаль. Там, где серое море сходилось с голубым небом, уже обозначилась расплывчатая туманная черта.

Альгида! Земля предков... Отчизна... Давно мореход не ступал на родную землю. Всё по чужбине носило. И не было в том его вины, боги так рассудили: сызмалу и до той поры, пока полувековой рубеж не перейдет, ходить ему по морям вдали от родных – полузабытых уже – лесов и озер. Так уж вышло...

Прошло несколько часов. Солнце взошло высоко и разогнало низкий прибрежный туман. Земля близилась.

У воды обозначились большие серые валуны; за ними, поросшие стройными соснами, приземистые зеленые холмы. Над высокими мачтами с криками парили чайки: встречали пришедший в Альгиду корабль. К привычному, пахнущему солью и водорослями морскому воздуху примешались другие, будоражащие душу старого мореплавателя запахи.

Щемит сердце дух мокрой травы и прелой сосновой хвои.

Едва уловимый дымок говорил о том, что где-то недалеко на побережье стоит человеческое жильё. А может, это просто горел костер, что развел удачливый рыбак или охотник.

Волнует моряка благоухание исходящее от близкой суши. Нет для него ничего слаще этих запахов. Обычному люду они привычны и ничего не скажут. Но мореходы знают – как только учуял земной дух, значит подошел конец утомительному плаванью, длинным однообразным дням и ночам. Подошел конец бесконечным морским просторам. Тем, кто живет на земной тверди не понять душу морских старателей и их тоску по берегу.

Остались позади и шквалистые ветра, что кренят судно набок и порой в ключья рвут паруса, и затяжные шторма, – когда время летит неуловимо быстро, когда каждый миг ждешь своего последнего часа.

Рады мореходы встрече с землей. А уж Любомысл! Что о нем говорить!

Для него запахи, доносившиеся именно с этого берега, имели особый, только ему понятный смысл. Мореход еле скрывал волнение и непонятно откуда накотившие слабость и дрожь в руках. Крепился Любомысл... Боялся, что верные товарищи, что плывут с ним на большом сидонском паруснике увидят – и он не так уж силен и суров, каковым кажется.

Скоро, очень скоро, старый венд наконец-то увидит свою родину – Альгиду; пройдет по ее необъятным лесам; прикоснется к Матушке-Земле, с которой был разлучен почти три десятка лет...

Все эти долгие годы, и в горячих лазурных морях – на полудне земли, и среди льдов сурового седого океана, и у иссушающих зноем пустынь, и у берегов влажных островов, где тело исходит потом и вода – сколько ее не пей! – не утоляет жажду, часто снился мореходу один и тот же чудесный сон...

На опушке, среди сугробов, перед самым краем бескрайнего соснового леса, стоит маленькая заснеженная избушка. Зимнее небо хмурится. Из почерневшей глиняной трубы вьется легкий дымок, а он сам, совсем еще маленький, несет в руке деревянное ведро, наполненное ледяной водой.

Он ходил на ближнюю речку, к недавно сделанной проруби... И он знает, что в этой избушке его любят и ждут, и уже все готово к его приходу – накрыт стол, матушка достает из

печи пироги и чугунок борща, а на резном крылечке, отряхивая лапки от налипшего снега, сидит рыжая кошка... Она тоже ждет его, ей надо войти в дом и быстрее юркнуть на печку, – ночью она мышковала у стен овина и немного озябла...

Каждый раз пробуждение было ужасным. Любомысл лежал в поту, и долго – унимая дрожь – не мог придти в себя, потому что знал: нет больше ни матери, ни избушки... И вряд ли любимая рыжая кошка выжила в ту страшную ночь...

«Все! Все бегите!.. Спасайтесь в лес! Саратаны!!! Чудища моря!..»

Саратаны! Это страшное слово Любомысл слышал с раннего детства. Тогда он не понимал его значения, но по лицам взрослых догадывался, что с этим названием связано что-то страшное. Люди произносили это слово тихо – боялись накликать беду. Саратаны! Ужас – скрывающийся в океанских глубинах.

Когда, и в каком месте они выйдут на берег, никто не знает и предугадать это невозможно. И деревенька рода Седого Бобра, что стояла рядом с устьем небольшой лесной речушки, на закатной полуночи вендских лесов, еще ни разу не подвергалась нашествию чудовищ.

В преданиях бобров говорилось, что иногда на берег выходит океанская нечисть – саратаны. Но это в других местах. Там где живет много людей; там, где стоят большие города; где по берегам рек расположено много деревень. А вот тут, на краю Альтиды, даже на памяти самых древних стариков ничего подобного никогда не происходило. Слишком уж глухие места. Нет тут поживы даже для морской жути.

Хотя... С одной стороны лес, а с другой – рукой подать – шумело холодное море. Самое место для нападения саратанов. По слухам и лес для них не преграда. Укреплений и защиты от напасти в деревеньке не построено. Нет ни высокого частокола, ни иных преград. Только валуны на побережье и лес невдалеке от моря. А ведь чудища умны – это давно известно. Просто так, – на место, где они могут получить отпор, – саратаны никогда не нападали.

Саратаны даже не проплывали вблизи побережья, что простерлось на краю Альтиды. Об этом говорили корабельщики, которые иногда приставали к их берегу. Мореходы порой встречали чудовищ в море, но далеко от того берега, где стояла деревенька маленького Любомысла. Тогда, увидев качающуюся на волнах серую тушу, они со всей мочи удирали в безопасное место. Как правило, к ближайшему берегу.

Чудища несли смерть и разрушения в более теплые места. Хотя это странно: ведь по слухам саратаны всегда шли откуда-то с севера. Из того места, где по седому океану плавали большие – размером с холм – сверкающие льдины, – а значит, мороза чудовища не боялись...

Что им холодное море и каменистый берег дальнего альтидского побережья? Для них это не холод. Но на север Альтиды они не нападали. Зимой саратаны уходили на полуночь, и люди в теплых местах, которые часто подвергались набегам чудовищ, могли спокойно пережить зиму. И вот теплой летней ночью в спокойную деревеньку Любомысла пришла неожиданная беда...

Звонко разносились в ночи удары по подвешенному у кузницы длинному куску железа. Его голос жителей на сход собирал. Кузница поодаль стоит от деревни и леса. Кузнец ведь дело с огнем имеет. А с огненным богом, что в кузнечном горне живет, дружить с осторожностью надо, с оглядкой. Помогать-то он помогает, людям жизнь дает: поделки железные, снасть разную без которых в хозяйстве и на охоте никак. А вот вырвется бог земного огня на волю, и не остановить его тогда. Великих бед может натворить. Потому земля вокруг кузницы всегда ровно вытоптана и не растет на ней ничего, что пищу своенравному божееству дать может.

Это кто-то отчаянный, неминуемую близкую смерть презрев, предупреждал сородичей об угрозе, что из моря вышла.

Ведь обегать дома и упреждать людей много времени займет. А тут каждое мгновение может жизнь спасти.

Скорее всего, в железное било колотил сам кузнец. Его кузница невдалеке от моря стояла, и все знали, что любил начинать он работу перед самым рассветом, почти что ночью. Так больше сделать можно, по утренней-то прохладе. Может, деревенский кузнец первым и увидел чудовищ...

А может, трезвонил пастух, что рано поутру выгонял на недалеее лесное пастбище белых, с черными пятнами, круторогих коров.

Кто в ту ночь предупреждал людей о смертельной угрозе, так и осталось неизвестно.

Мать спешно растолкала Любомысла, и когда сонный мальчишка выскочил из избы, то увидел, что на дальнем краю деревни два саратана рушат, разметывают по бревнышку дома. Летели огрызки дерева, щепки. Среди пыли и крошева мерно вздымались серые длинные щупальца.

Любомысл, мало что соображая, увидел, как высоко в предрассветном небе вдруг мелькнула тень. Это раскорячившись лягушкой, и отчего-то быстро вращаясь летел человек. Застыл на мгновение, и озаряемый первыми лучами медленно-медленно – так показалась мальчишке – устремился обратно к земле. Раздался смачный шлепок. Вроде бы звук должен был потонуть в общем шуме разгрома, но Любомысл его услышал и содрогнулся.

Эту первую, увиденную им в жизни смерть, этот звук, он не забудет никогда. Верно говорят – смерть располохом берет.

А грохот и темная туча пыли на другом конце деревни нарастали. Уже трудно разобрат, что там происходит. В темных клубах мелькали членистые лапы саратанов, беспорядочно взвивались длинные щупальца. Не всегда пустые: Любомысл видел, что порой они окольцовывали, как змея небольшой пенек, людские тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.